

К ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

ДВА РАННИХ НАБРОСКА РОМАНА (1873)

Статья и публикация В. А. Жданова

Как начать новое произведение — эта мысль неизменно волновала Толстого: «Всегда страшно начинать, когда дорожишь мыслью, как бы ее не испортить, не захватить дурным началом» (т. 84, с. 44).

В творчестве Толстого «начала», над которыми он так бился, разнообразны, и все-таки можно отметить некоторые совпадения. Сюжет произведения развертывается или в обычной последовательности (от завязки к кульминации и, наконец, развязке), или же, наоборот, начинается с кульминации, даже развязки, с последующим отходом в предысторию. В поисках начала «Войны и мира» Толстой прошел длинный творческий путь постепенного хронологического отхода от темы вернувшегося из ссылки декабриста к событиям 1812 г., а затем к событиям 1805 г. и первому столкновению России с Наполеоном.

Приступая к созданию «Воскресения», Толстой начал действие с описания знакомства молодого Нехлюдова с юной Катюшей, но затем изменил композицию, обратившись сразу к кульминации, т. е. к встрече героев в суде. При этом построении романа предыстория раскрывалась через воспоминания героев и авторские обобщения.

В «Анне Карениной» — другое решение. Первым порывом Толстого было начать с кульминации в романической фабуле. В двух ранних набросках, где сюжетная линия Карениных — Вронского очерчивала тогдашние границы произведения, кульминация была приурочена к сцене в светском салоне, — в этот вечер стали окончательно ясны отношения между Анной и Вронским. Затем Толстой отказался от такого плана, добившись в следующих рукописях нового построения, в котором вступлением является сцена знакомства Анны с Вронским на московском вокзале.

В течение многих лет существовало убеждение, что роман сразу создавался по тому плану, который запечатлен в завершенном произведении. Утверждалось, что Толстой будто бы начал «Анну Каренину» фразой «Все смешалось в доме Облонских», а впоследствии написал новое вступление о счастливых и несчастных семьях. Действительно, так начинается «Анна Каренина», но далеко не таков первый набросок этого произведения. Только после знакомства с рукописями романа представилась возможность восстановить ход работы писателя при создании «Анны Карениной» (см. об этом в нашей книге «Творческая история „Анны Карениной“». М., 1957).

Изучение рукописей было предпринято в 30-х годах для печатания романа в составе Юбилейного издания. Редактор соответствующего тома (т. 20) Н. К. Гудзий произвел тщательный разбор рукописного фонда «Анны Карениной», в результате чего стало бесспорным, что роман начинался совсем не так, как думали об этом прежде, — не сценой в доме Облонских в Москве, а встречей Анны с Вронским в светском салоне в Петербурге, т. е. сценой, занявшей место во второй части завершенного произведения. Правильность вывода подтверждается также свидетельством самого Толстого о той роли, которую для него в самом начале работы сыграло чтение прозы Пушкина, в частности наброска «Гости съезжались на дачу...». В этом отрывке говорится о том, что в салоне Вольской после спектакля собрались гости. Среди гостей была

замужняя женщина, влюбленная в Минского, который тоже присутствовал на вечере. Прочитав этот набросок, Толстой «невольно, нечаянно, сам не зная зачем и что будет, задумал лица и события, стал продолжать, потом, разумеется, изменил, и вдруг завязалось так красиво и круто, что вышел роман» (письмо к Н. Н. Страхову от 25 марта 1873 г. — т. 62, с. 16). Когда Толстой сообщал об этом своему корреспонденту, роман далеко еще не «вышел», — для создания его потребовалось пять лет. Толстого привлекала манера Пушкина «приступать прямо к делу», «вводить в действие сразу» (Ф. И. Булгаков. Гр. Л. Н. Толстой и критика его произведений, русская и иностранная. Изд. 3. СПб., 1899, стр. 86). И первая сцена первого наброска будущего толстовского романа начинается по такой же схеме, как и отрывок Пушкина.

В Юбилейном издании напечатаны три начала «Анны Карениной» с одинаковой композицией. Второй — по счету этого издания (т. 20, с. 20—23) набросок — не получил развития и при восстановлении полного текста нами не учитывается.

В качестве первого редактор Юбилейного издания опубликовал небольшой отрывок, написанный на четырех листах бумаги и озаглавленный «Молодец-баба». Он содержит один незаконченный эпизод: съезд гостей после театра.

Публикация Юбилейного издания имеет большое принципиальное значение. Она устранила ошибку в определении начального, а значит и последующих этапов творческой работы писателя над «Анной Карениной». Однако редактор не до конца провел анализ. Вследствие этого он признал первым наброском романа тот, который по ходу работы Толстого занимает в действительности второе место, и, кроме того, он ошибся в установлении подлинного объема наброска «Молодец-баба», — текст его значительно больше опубликованного.

В наброске, помещенном в Юбилейном издании в качестве первого (т. 20, с. 14—20), главные герои носят фамилию Каренины. Но среди черновых рукописей сохранился другой набросок, в котором фамилия этих героев не Каренины, а Ставровици. Если допустить, что последовательность набросков определена в Юбилейном издании правильно, то выходит, что Толстой сначала выбрал фамилию Каренины, затем нашел другую — Ставровици, но нигде ею не воспользовался и снова вернулся к первой фамилии, проведя ее впоследствии через все черновики. Это мало вероятно.

Приведем еще один довод, дающий право уже с полной уверенностью утверждать, что первоначальной является рукопись с фамилией героев Ставровици. На нескольких листах этой рукописи имеются исправления, появившиеся в процессе дальнейшей работы над наброском «Молодец-баба» (главная перемена заключается в замене фамилии Ставровици на Каренины). Ясно, что в качестве первоначальной должна быть определена рукопись, из которой был взят материал для позднейшей.

Первый набросок («Хозяйка только что успела снять соболью шубку...»), ошибочно показанный в Юбилейном издании третьим (т. 20, с. 23—46), не имеет заглавия. Он заключает в себе довольно развитую схему романа от начала до развязки. Имена действующих лиц такие: Михаил Михайлович и Татьяна Сергеевна Ставровици (будущие Каренины), Иван Балашов (будущий Алексей Вронский). В эскизе содержится многое из того, что мы знаем по законченному произведению. Кроме изображения великосветского салона, где начинается действие, в наброске дано подробное описание событий, происшедших в день скачек. В отличие от законченного романа в этом первом наброске муж дает согласие на развод, и Татьяна Ставровиц вступает в брак с Иваном Балашовым. Новый брак оказывается несчастливым, и Татьяна кончает самоубийством (бросается в Неву).

Таким образом, Толстой первоначально намеревался писать не социальный роман широкого охвата, а более узкий, семейный роман. Тема развода, вернее, морального осуждения развода, должна была стать центральной. Хотя в разработке этой темы Толстой колебался между двумя противоположными решениями ее (развод жена получила, и в разводе отказано), — конечный итог жизни в законном или в «гражданском» браке он предусматривал один и тот же: героиня, оставившая мужа и семью ради новой семьи, должна была уничтожить себя как нарушительница извечного закона. Из первого же наброска становится ясно, что утверждению морального принципа должно было сопутствовать острое столкновение героев с общественной средой.

Во втором наброске, озаглавленном «Молодец-баба», имена и фамилии героев изменились: они получили фамилию Каренины. Муж носит имя Алексей Александрович, будущая Анна уже не Татьяна Сергеевна, а Настасья Аркадьевна, сокращенно Нана; будущий Вронский — Алексей Гагин.

Изучение рукописей «Анны Карениной» дало возможность установить действительный объем второго (по нашему счету) наброска романа. Мы обратили внимание на две черновые рукописи (каждая из них состоит из нескольких листов, разобившихся в архивном хранении случайно). Одна имеет заглавие «Молодец-баба», содержание другой тематически совпадает с предыдущей (в т. 20, вар. 37).

Текст первой рукописи обрывается на описании внешности Нана, только что вошедшей в заполненный гостями салон (см. стр. 429). К Нана еще не успел никто обратиться, она не сказала ни слова, а набросок «Молодец-баба» как будто уже исчерпал себя. Текст второй рукописи начинается внутренним монологом хозяйки салона: «Ну, так и есть, — подумала хозяйка, так же как и все в гостиной, с тех пор как она <Нана> вошла, невольно следившие за ней, — так и есть, — думала она, как бы по книге читая то, что делалось в душе Карениной» (см. стр. 430). Очевидно, что между этими двумя рукописями, принадлежность которых к одному этапу работы не вызывает сомнений, существовал какой-то связующий текст. В нем, разумеется, шла речь о поведении жены Каренина в этот вечер. Ведь из содержания второй рукописи видна только реакция гостей и хозяйки на то, что они увидели и что нам пока неизвестно.

Дальнейший анализ рукописей помог восстановить пробел. Оказывается, Толстой использовал для связки двух рукописей небольшой отрывок из первого (неозаглавленного) наброска («Хозяйка только что успела...»). Эта первая рукопись испещрена авторскими вставками и поправками, имеющими различное происхождение. Одни сделаны в процессе создания наброска, другие появились много позднее, когда эпизод в гостиной перестраивался для второй части уже оформившегося в своей окончательной структуре романа. Наконец, в небольшой части текста сделаны такие исправления имен супругов Ставровичей и Балашова, которые приспособляют материал первого наброска к материалу второго («Молодец-баба»), а также к новой рукописи, присоединяемой нами к той, которая получила заглавие (М. М. Ставрович переименован в А. А. Каренина, его жена — в Нана Каренину и Балашов — в Гагина).

Сопоставление трех упомянутых рукописей: 1) имеющей заглавие «Молодец-баба», 2) нескольких листов из первоначального наброска (без заглавия), 3) новой рукописи с теми же именами, что и в «Молодец-баба», — позволило установить, что весь этот материал, взятый как целое, является стройным текстом последовательного рассказа. Он значительно больше напечатанного в Юбилейном издании под заглавием «Молодец-баба».

Ход наших наблюдений таков. Опубликованный в т. 20 Юбилейного издания набросок «Молодец-баба» обрывается на том месте, где сказано, что Каренины вошли в гостиную, и добавлено несколько слов о внешности героини. (Находящийся в этой публикации текст от строки 6-й страницы 19-й до конца наброска ошибочно добавлен из рукописи позднейшего происхождения.) Текст, взятый в исправленном виде из рукописи первоначального (без заглавия) наброска, продолжает действие со слов, естественно обращенных хозяйкой к пришедшему позже других гостю: «Алексей Александрович, хотите чаю?» (до исправления имени Ставровича читалось: «Михаил Михайлович, хотите чаю?»). Следовательно, тексты «Молодец-баба» и вставка из первого наброска слиты воедино (см. стр. 429). Вставка посвящена злым пересудам светских людей и, главное, многообещающему разговору Нана Карениной и Гагина. Эта вставка заканчивается так: «И, нагнув голову, она взяла в зубы ожерелье черного жемчуга и стала водить им, глядя исподлобья и остановив взгляд на Гагине». Итак, мы получили первую возможность расширить набросок «Молодец-баба». Основанием для дальнейшего его расширения путем присоединения к нему еще одной рукописи послужило следующее.

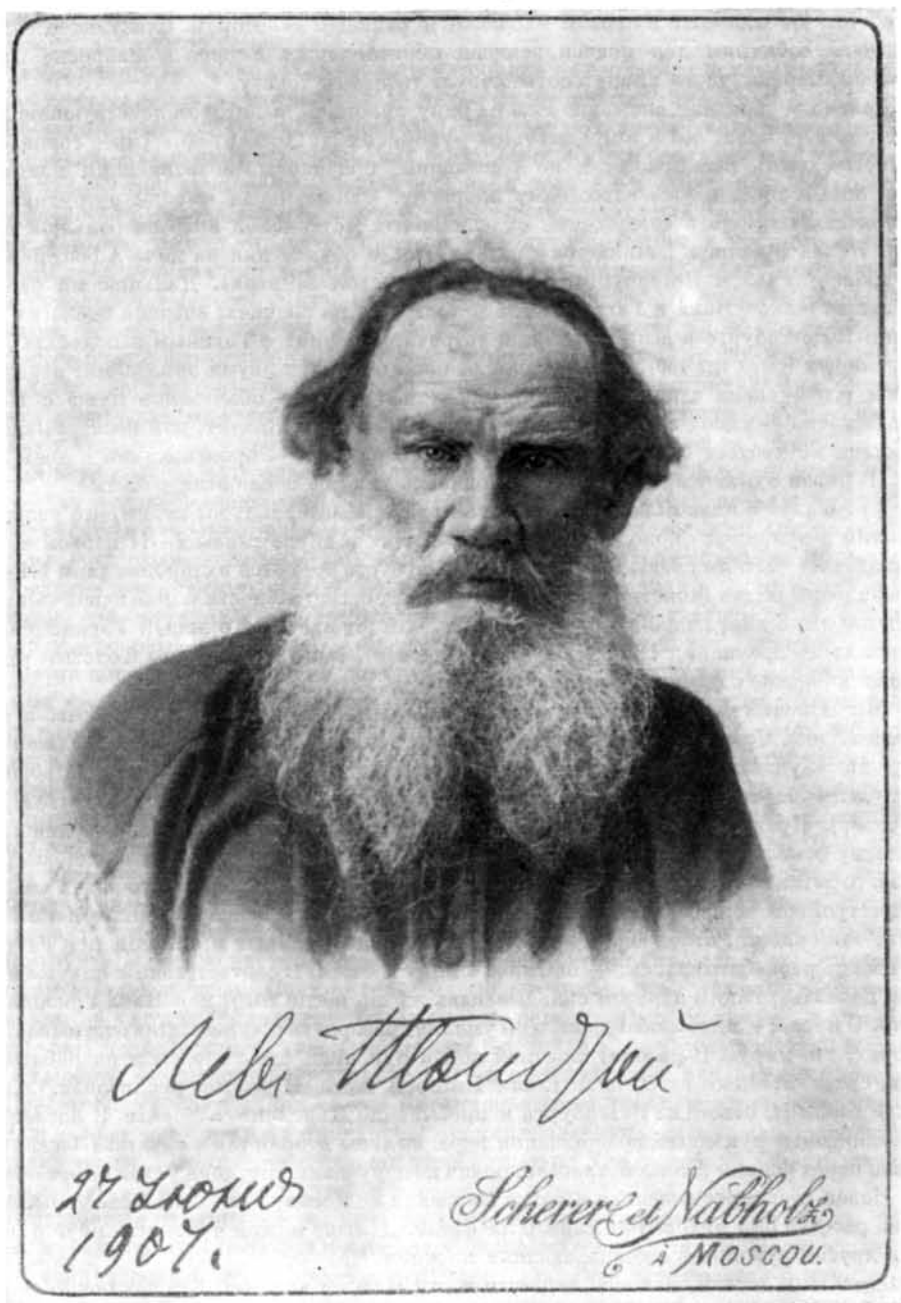
Из содержания заверщенного романа известно, что поведение Анны и Вронского в гостиной Бетси Тверской (ч. 2, гл. VI—VII) произвело смущение в обществе. В рассматриваемой теперь рукописи как раз об этом и говорится. В начинающем эту рукопись внутреннем монологе хозяйки есть такая важная для нас

подробность о Карениной: «Теперь она взяла в рот жемчуг — жест очень дурного вкуса». Это в той же новой рукописи, но вспомним, что о жемчуге, который взяла в рот Нана, мы только что читали в листах другой рукописи, приспособленных для этого варианта. Указанная деталь и единство ее сюжетного обрамления связывают второй материал с третьим, доказывая тем самым правильность их соединения. Размер опубликованного в Юбилейном издании небольшого отрывка тем самым увеличен нами еще раз. Но сюжетные границы отрывка не на много вышли за пределы сцены в светском салоне. Рукопись заканчивается двумя новыми эпизодами: разговором Нана с Гагиным у кареты и объяснением мужа с женой после ее возвращения домой. Хотя муж не добился признания у жены, но понял все же, что «сущность несчастья совершилась».

Прервем пока дальнейший анализ рукописей и сопоставим уже известные нам два наброска романа. Сравнение их показывает, как заботился Толстой о разработке эпизода, носившего в первоначальной рукописи эскизный характер («Хозяйка только что успела...»). В этой рукописи нет еще заглавия, и вместо заглавия проведена какая-то волнистая черта; во втором наброске имеется четкое заглавие — «Молодец-баба». Кстати, об этом заглавии. По всей очевидности, оно относится не к задуманному роману в целом, а к части его, и во всяком случае не связывается с главной героиней. Ход наших наблюдений над дальнейшей судьбой этого варианта таков: во втором наброске действие значительно более развито, и ход событий логически оправдан, чего не хватает в первом, где можно заметить отсутствие необходимой мотивировки действия: поведение Татьяны Ставрович не было настолько откровенным, чтобы после этого вечера для нее были закрыты двери света. В наброске «Молодец-баба» образ действия Нана и Гагина укрепил догадки общества: «все чувствовали, что случилось что-то неприятно грубое, неприличное, постыдное». Беседа Нана с Гагиным отчетливо показала, какой близости достигли их отношения, а в первом наброске не были показаны ни поведение Татьяны, ни реакция окружающих, ни впечатление мужа. Только во втором наброске Толстой дает понять, что муж имел основания заподозрить жену. Видна и во втором неустойчивость в представлении писателя о внешности персонажей. Так, при входе Нана в салон Толстой рисует ее некрасивой (см. стр. 429), а немного дальше, при объяснении мужа с Нана, тот говорит об ее красоте (см. стр. 436). Это не авторский промах, а поиски художественно правдивой детали. Вспомним, что, рисуя лицо арестантки Масловой в «Воскресении», Толстой наделял его противоположными чертами. Так было и с Нана, облик которой отличается от внешности Татьяны Ставрович и Анны Карениной. Сравнение обоих отрывков не оставляет сомнения в том, какой из них следует считать первым. Первый краткий набросок превращался при дальнейшей его разработке в стройное, психологически обоснованное повествование.

Вернемся к прерванному нами восстановлению полного текста «Молодец-баба». Именно фраза о «сущности несчастья» помогла дальнейшим поискам. Она необычно убористо вписана в конец страницы, и видно, что перенесена с какого-то другого листа. Он сохранился. На этом листе в самом верху был написан тот самый текст о свершившемся несчастье, который перенесен в конец предыдущей рукописи. Здесь он зачеркнут, и вслед за вымаранными строками начата разработка плана всего будущего романа (т. 20, с. 3—5). Фраза, отброшенная в начале одной рукописи и перенесенная в конец другой, накрепко соединила обе эти рукописи. Совпадение имен действующих лиц в рукописи, присоединенной к «Молодец-баба», и в плане свидетельствует о внутренней связи двух внешне разобщенных материалов. Установив это, можно следующим образом представить творческий процесс на данном этапе. После того, как Толстой до конца исчерпал тему первого эпизода (встреча Нана с Вронским в светской гостиной и объяснение Нана с мужем), он начал размышлять о дальнейших перспективах и решил пока не продолжать действие, а записать план романа, начинавшего оформляться в его сознании. План состоит из четырех частей, по несколько глав в каждой части (см. факсимиле двух листов рукописи на стр. 437 и 439).

Учитывая непосредственную связь листов, занятых планом, с рукописью расширенного произведения, озаглавленного «Молодец-баба», можно с уверенностью сказать, что работа писателя над сценами в салоне и в доме Карениных подвела

ТОЛСТОЙ

Фотография 1896 г. с автографом Толстого: «Лев Толстой. 27 июня 1907 г.»
Институт русской литературы АН СССР, Ленинград

к разработке развернутого плана произведения. Начальные две главы плана отражают то, что возникло в первом наброске и развито во втором. Следующие четыре отведены событиям дня скачек, эскизно обрисованным в первом наброске. Таким образом, первая часть плана соответствует готовому тексту.

Далее мы обратили внимание еще на одну рукопись, в которой действующие лица носят те же имена, что и в предыдущих рукописях (т. 20, вар. 66). Такое совпадение является очень важным, если не решающим, признаком, позволяющим присоединить новый текст к уже известному наброску. Однако наши выводы затрудняло то обстоятельство, что в содержании объединенных материалов имеется большой перерыв. Новая рукопись начинается фразой: «После объяснения на даче Алексей Александрович уехал в Петербург и погрузился в свои занятия». Дальнейший рассказ посвящен жизни Нана и Гагина после катастрофы на скачках; создана сцена их свидания в Петербурге в день нечаянной встречи Каренина с Гагиным в подезде дома Карениных (см. стр. 436). Следовательно, план обрамлен двумя эпизодами: перед началом его — сцена в доме княгини Врасской и затем — объяснение мужа с Нана. После плана — сцена в петербургском доме Карениных. Значит, для непрерывности действия не хватает большого промежуточного раздела — происшествий в день скачек. В новой рукописи действие возобновилось как раз после этих событий.

Сравнивая с планом весь известный нам теперь материал, мы видим, что развитие событий в рукописи «Молодец-баба», занимающих в плане главы I—II первой части, подходит к событиям главы I второй части. Как будто остаются в стороне главы III—VI первой части плана (описание дня скачек), но в действительности и они использованы. События этого дня, подробно намеченные планом (от рассказа о жизни Гагина в артели полка до признания Нана мужу в неверности), были изображены Толстым уже в первом наброске с фамилией героев Ставровичи.

Мы можем теперь представить себе дальнейший ход творческой работы в следующем виде. Создав законченный план всего произведения, Толстой продолжал работу над художественным воплощением отдельных намеченных сцен. Набросок «Молодец-баба» готов, и следующий эпизод (скачки) тоже написан (в предшествующем наброске). Правда, он требовал некоторой доработки — приспособления раннего к позднему (как раньше было сделано с небольшой вставкой к сцене в салоне), но рассказ о событиях этого рокового дня все-таки написан. Творческая мысль звала вперед, с перестройкой можно было не торопиться, и эти листы в неисправленном пока виде были, так сказать, отложены в запас. Толстой пошел дальше и остановился на том, что еще не разрабатывалось, — на главе I второй части. В соответствии с планом надо было показать, каким образом складывалась жизнь после того, как Нана призналась мужу. В плане: «Сидят любовники, и он умоляет разорвать с мужем. Она отделяется, говорит, что умру». В рассматриваемой новой рукописи эти вопросы и разрабатываются. Следовательно, здесь план главы I второй части полностью реализован. Содержание главы II: отъезд из Петербурга и пребывание Каренина в Москве. В последней из соединенных рукописей по окончании первой главы вторая так и начата: «Несколько недель перед родами Алексей Александрович по поручению государя уехал на ревизию».

Новая глава, посвященная поездке Каренина в Москву, началась повествовательным, но рассказ был прерван на первой же фразе. Дальше в этой рукописи ничего нет, нет и других рукописей с совпадающими именами.

Здесь мы можем наконец подвести черту в своем анализе. Без заключительных слов, буквально на ходу оборвалась работа над наброском, озаглавленным «Молодец-баба», который должен был, судя по плану, вылиться в законченное произведение (но, конечно, не с этим заглавием).

Содержание рукописей, объединенных этим заглавием, сводится к следующему:

1. Сцена в салоне княгини Врасской (будущей Бетси Тверской), затем сцена в доме Карениных (объяснение супругов).
2. К этим эпизодам примыкает план произведения.
3. За планом идет рассказ о жизни Карениных после катастрофы на скачках.
4. От изображения жизни Карениных и Гагина после признания Нана мужу писатель перешел к рассказу о том, что Каренин уехал в Москву, где должен был решить-

ся вопрос о разводе. После первой же фразы об этой поездке Толстой прервал работу над вторым наброском романа.

Чтобы понять значение публикуемого материала в творческих исканиях Толстого, надо вкратце напомнить, как проходила дальнейшая работа.

Набросок «Молодец-баба» был оставлен. Важные мотивы побудили автора начать новые поиски. Два первых наброска, как бы ни были велики различия в их художественной разработке, начинались с одной исходной позиции и включали в себя психологическую тему Карениных и Вронского. Толстой искал пути для расширения проблематики, которую следует выразить в произведении большой формы, и для этого следовало ввести действующих лиц другой общественной группировки. План, находящийся среди рукописей «Молодец-баба», не предусматривал этого. В третьем наброске с условным, очевидно, заголовком «N.N.» действие начато в Москве, в доме Гагина, и здесь появляется новый персонаж — Костя Нерадов, приятель Гагина (т. 20, вар. 4; упоминание в этом наброске имени Карениной позднейшего происхождения). Для характеристики нового действующего лица сделано лишь несколько штрихов, но все они напоминают будущего Константина Левина. (Нерадов «не такой, как все люди»).

Так велика была возникшая у Толстого потребность ввести в роман новое лицо, выразителя будущей «левинской» линии в романе, что писатель на какое-то время как будто забыл о героине, ради которой было задумано произведение. Однако тут же он начал четвертый набросок (т. 20, вар. 6), впервые озаглавив его «Анна Каренина».

Заглавие говорит само за себя. Толстой вернулся к исходной теме, но начал ее по-новому: не кульминация в салоне будущей Бетси Тверской, а завязка на московском вокзале, где впервые встретилась Анна (уже не Нана) Каренина с Гагиным.

Третий и четвертый наброски небольшие по объему. Однако в них появился один из самых важных персонажей романа — будущий Левин. В четвертом произведение начато с событий, связанных с боковой сюжетной линией, с семейной ссоры будущих Облонских, что является излюбленным приемом Толстого. Как ни велика роль этих набросков, они не удержались в романе. Толстой продолжал поиски другой завязки, и его привлекла возможность в первую очередь обрисовать нового героя, который должен занять в романе выдающееся место. Появился пятый вариант. Он очень большой по размеру, и его нельзя назвать, как предыдущие, наброском. Роман открывается описанием выставки скота; в этой сцене во всей глубине и яркости проявились характерные особенности уже не Нерадова, но еще и не Левина, — Ордынцева.

В структуре пятого варианта самое интересное — это прямая связь его материала с текстом «Молодец-баба». Повторилось то, что случилось при создании второго наброска, когда часть материала перешла в него из первого. На этот раз весь текст «Молодец-баба» (от светской гостиной до отъезда Каренина в Москву на ревизию) вошел в пятый вариант, неизмеримо разросшийся в сравнении с первыми набросками и планом.

Поиски общей композиции «Анны Карениной» на этом закончились. Создано все для дальнейшего развития многопланового романа, запечатлевшего важнейшие стороны жизни эпохи. Шестого варианта, подобного предыдущим, в котором бы произведение намечалось в полном виде, нет.

В настоящей публикации мы приводим первые два наброска. В них нет каких-то совсем новых, не вошедших в Юбилейное издание текстов Толстого. Наша задача — внести исправления в первоначальную публикацию. Она заключается в том, чтобы устранить допущенное в Юбилейном издании смешение текстов, относящихся к разным этапам работы Толстого над «Анной Карениной», а также напечатать первые два наброска романа в правильной последовательности, а второй из них — в его действительном объеме, впервые нами установленном.

Рукописи публикуемых текстов исправлялись Толстым как в процессе их создания, так и много позднее, в период приспособления их к новым вариантам романа. Нами воспроизводится первоначальный слой рукописей. Позднейшие исправления и добавления не печатаются. Из заметок на полях воспроизводятся только те, которые бесспорно относятся к ранней стадии работы Толстого над рукописью.

〈ПЕРВЫЙ НАБРОСОК〉

I

^{1*} Хозяйка только что успела снять соболью шубку в передней и отдать приказанья дворецкому о чае для гостей в большой гостиной, как уж другая карета загремела у подъезда ^{2*}. Хозяйка только улыбкой встретила гостей (она их видела сейчас только в опере и позвала к себе) и, поспешно отцепив неловкой рукой в перчатке кружево от крючка шубы, скрылась за тяжелой портьерой.

— Оторву мужа от его гравюр и пришлю к вам, — проговорила хозяйка из-за портьеры.

Генерал ^{3*}, блестя эполетами ^{4*}, а жена его обнаженными плечами, оправлялись перед ^{5*} зеркалами, между цветов. Два ^{6*} беззвучные лакея следили за каждым их движением, ожидая мгновенья ^{7*} отворить двери в ^{8*} зало. За генералом вошел дипломат с измученным лицом ^{9*}, и ^{10*}, пока они говорили, проходя через зало, хозяйка, уж ^{11*} вытащив мужа из кабинета, шумя платьем, шла навстречу гостей в большой гостиной. — По голубому ковру в ^{12*} обдуманном свете гостиной собралось общество.

— Пожалуйста, не будем говорить об Виардо ^{13*}. Я сыта *Виардою*. Кити обещала приехать. Надеюсь, что не обманет. Садитесь сюда поближе ко мне, князь. Я так давно не слыхала вашей желчи.

— Нет, я смирился уж давно. Я весь вышел.

— Как же не оставить про запас для друзей?

— В ней много пластического, — говорили с другой стороны ^{14*}.

— Я не люблю это слово.

— Могу я вам предложить чашку чая?

По мягкому ковру обходят кресла и подходят к хозяйке за чаем.

Хозяйка, поднявши розовый мизинчик, поворачивает кран серебряного самовара и передает китайские прозрачные чашки.

— Здравствуйте ^{15*}, княгиня, — говорит слабый голос из-за спины гости. Это хозяин вышел из кабинета. — Как вам понравилась опера, «Травиата», кажется? Ах, нет, «Дон Жуан».

— Вы меня испугали. Как можно так подкрадываться. Здравствуйте.

Она ставит чашку, чтоб подать ему тонкую с розовыми пальчиками руку.

— Не говорите, пожалуйста, про оперу, вы ее не понимаете.

Хозяин здоровывается с гостями и садится в дальнем от жены углу стола. Разговор не умолкает. Говорят о Ставровиче и его жене и, разумеется,

^{1*} Перед этим было начато: Г〈ости〉

^{2*} Далее начато: Сейчас. Извините меня.

^{3*} Далее начато: а. с женой; б. с блестящи〈ми〉

^{4*} Далее начато: а. и голою; б. обнажен〈ною〉

^{5*} Далее начато: вид〈невшимися?〉

^{6*} Далее начато: моло〈дые〉

^{7*} Далее начато: подвять портьеру

^{8*} Далее начато: в столовую

^{9*} Далее начато: за ним

^{10*} Далее начато: еще

^{11*} Далее начато: шумя платьем, вб〈ежала〉

^{12*} Далее начато: слаб〈ом〉

^{13*} Первоначально: об Нильсон.

^{14*} На полях ваметки:

Застенчива.

Необыкновенно неприлична.

Он смешон.

Она насмешлива.

Сестра Л〈еоида〉 Д〈митрича〉 страдает и оттого, что дети тоже что он

^{15*} Здесь и далее в автографе: здравствуйте.

говорят зло, иначе и не могло бы это быть предметом веселого и умного разговора.

— Кто-то сказал, — говорит дипломат, — что народ имеет всегда то правительство, которое он заслуживает; мне кажется, и женщины всегда имеют того мужа, которого они заслуживают ^{16*}. Наш общий друг Михаил Ми(хайлович) Ставрови(ч) есть ^{17*} тот муж, которого заслуживает его красавица жена.

— О! Какая теория! Отчего же не муж имеет жену, какую...

— Я не говорю. Но госпожа Ставрови(ч) слишком хороша, чтоб у нее был муж, способный любить...

— Да и с слабым здоровьем.

— Я одного не понимаю, — в сторону сказала одна дама, — отчего М-ме Ставр(ови(ч)) везде принимают. У ней ничего нет — ни имени, ни tenue ^{18*}, за которое бы можно было прощать.

— Да ей есть что прощать. Или будет.

— Но так прежде чем решать вопрос о прощении обществу, принято, чтоб прощал или не прощал муж, а он, кажется, и не видит, чтобы было что-нибудь à pardonner ^{19*}.

— Ее принимают оттого, что она соль нашего пресного общества.

— Она дурно кончит, и мне просто жаль ее.

— Она дурно кончила, — сделалась такая обыкновенная фраза.

— Но милее всего он. Эта тишина, кротость, эта наивность.

^{20*} — Эта ласковость к друзьям его жены.

— Милая Софи. — Одна дама показала на девушку, у которой уши не были завешаны золотом.

^{21*} — Эта ласковость к друзьям его жены, — повторила дама, — он должен быть очень добр. Но если б муж и вы все, господа, не говорили мне, что он дельный человек (дельный — это какое-то кабалистическое слово у мужчин), я бы просто сказала, что он глуп.

— Здравствуйте, Леонид Дмитри(ч), — сказала хозяйка, кивая из-за самовара, и поспешила прибавить громко ^{22*} подчеркнуто: — а что, ваша сестра М-ме Ставрови(ч) будет?

Разговор о Ставрови(ч) затих при ее брате.

— Откуда вы, Л(еонид) Д(митри(ч)), верно, из Буфф? ^{23*}

— Вы знаете ^{24*}, что это неприлично, но что ж делать, опера мне скучно, а это весело. И я досиживаю до конца. Нынче...

— Пожалуйста, не рассказывайте...

Но хозяйка не могла не улыбнуться, подчиняясь улыбке искренней, веселой открытого, красивого с крас(ивыми) т(онкими) г(убами) и б(ольшого?) в(ыразительного?) лица Л(еонида) Д(митри(ча)).

— Я знаю, что это дурной вкус. Что делать...

И Л(еонид) Д(митри(ч)), прямо нося свою широкую грудь в морском мундире, подошел к хозяину и уселся с ним, тотчас же вступив в новый разговор.

— А ваша жена? — спросила хозяйка.

— Все по-старому, что-то там в детской, в классной, какие-то важные хлопоты.

^{16*} Далее начато: Ставров(и(ч))

^{17*} Далее начато: имен(но)

^{18*} манеры держать себя (франц.).

^{19*} прощать (франц.).

^{20*} Далее начато: а. Он; б. Я бы сказала, ч(то?)

^{21*} Перед этим начато: Ах, не

^{22*} Первоначально: очень громко

^{23*} Первоначально: из фр(анцузского) театра

^{24*} Далее начато: мою слаб(ость)

Немного погодя вошли и Ставровичи, Татьяна Сергеевна в желтом с черным кружевом платье, в венке и обнаженная больше всех.

Было вместе что-то вызывающее, дерзкое в ее одежде и быстрой походке и что-то простое и смиренное в ее красивом румянном лице с большими черными глазами и такими же губами и такой же улыбкой, как у брата^{25*}.

— Наконец и вы, — сказала хозяйка, — где вы были?

— Мы заехали домой, мне надо было написать записку^{26*} Балашову. Он будет у вас?

— Этого недоставало, — подумала хозяйка. — Не знаю, — сказала она.

— Мих<аил> Мих<айлович>, хотите чаю?

Лицо М<ихайла> М<ихайловича>, белое, бритое, пухлое и сморщенное, сморщилось в^{27*} улыбку, которая была бы притворна, еслиб она не была так добродушна, и начал мямлить что-то, чего не поняла хозяйка, и на всякий случай подала ему чаю. Он аккуратно разложил салфеточку и, оправив свой белый галстук и сняв одну перчатку, стал всхлипывая отхлебывать. Чай был горяч, и он^{28*} поднял голову и собрался говорить. Говорили об Офенбахе, что все-таки есть прекрасные мотивы. М<ихаил> М<ихайлович> долго собирался сказать свое слово, пропуская время, и наконец сказал, что Офенбах, по его мнению, относится к музыке, как М-г Jabot относится к живописи, но он сказал это так не вовремя, что никто не слышал его. Он замолк, сморщившись в добрую улыбку, и опять стал пить чай.

Жена его между тем, облокотившись обнаженной рукой на бархат кресла и согнувшись так, что плечо ее вышло из платья, говорила с дипломатом громко, свободно, весело о таких вещах, о которых никому бы не пришлось в голову говорить в гостиной.

— Здесь говорили, — сказал дипломат, — что всякая жена имеет мужа, которого заслуживает. Думаете вы это?

— Что это значит, — сказала она, — мужа, которого заслуживает? Что же можно заслуживать в девушках? Мы все одинакие, все хотим выйти замуж и боимся сказать это, все влюбляемся в первого мужчину, который попадется, и все видим, что за него нельзя выйти.

— И раз ошибившись, думаем, что надо выдти не за того, в кого влюбились, — подсказал дипломат.

— Вот именно.

Она засмеялась громко, весело, перегнувшись к дипломату^{29*}, сняв перчат<ки>, взяла чашку.

— Ну а потом?

— Потом? — сказала она задумчиво.

— Потом?

Он смотрел улыбаясь, и несколько глаз обратились на нее.

— Потом, я вам расскажу через 10 лет.

— Пожалуйста, не забудьте.

— Нет, вот вам слово, — и она с своей непринятой свободой подала ему руку и, встав, тотчас же обратилась к генерату^{30*}: Когда же вы приедете к нам обедать?

И, оттянув ожерелье черного жемчуга^{31*}, стала водить им, глядя исподлобья...

^{25*} На полях: Застенчива. Скромна.

^{26*} Далее начато: а. Кура<кину>; б. Корсак<ову>; в. Неволи<ну>; г. Воль-
<скому>?

^{27*} На полях: что-то противное и слабое

^{28*} Далее было: собрался

^{29*} Далее начато: и взяла чашку

^{30*} Вместо обратилась к генералу было: отошла к другому столу и села за альбомы.

^{31*} Далее начато: она взя<ла>

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
ТОЛСТОГО НА ПЕРВОМ ТОМЕ
РОМАНА «АННА КАРЕНИНА»
(М., 1878):

«Дорогой сестре Марье Николаевне
Толстой от Автора»

Архив Толстого, Москва

В 12-м часу взошел Балашов. Его невысокая коренастая фигурка всегда обращала на себя внимание, хотел или не хотел он этого. Он, поздоровавшись с хозяйкой, не скрываясь, искал глазами и, найдя, поговорив, что нужно было, подошел к ней. Она перед этим встала, выпустив ожерелье из губ, и прошла к столу в угле, где были альбомы. Когда он стал рядом, они были почти одного роста. Она тонкая и нежная, он черный и грубый. По^{32*} странному семейному преданию, все Балашovy носили серебряную кучерскую серьгу в левом ухе, и все были плешивы. И Ив(ан) Б(алашов), несмотря на 25 лет, был уже плешив, но на затылке курчавились черн(ые) волосы, и борода, хотя свежевыбритая, синела по ще-к(ам) и подбородку. С совершенной свободой светского человека он подошел к ней, сел, облокотившись над альбом(ами), и стал говорить, не спуская глаз с ее разгоревшегося лица. Хозяйка была слишком светская женщина, чтоб не скрыть неприличности их уединенного разговора. Она подходила к столу, за ней др(угие), и вышло незаметно. Можно было начас сходить, и вышло бы хорошо. От этого-то многие, чувствуя себя изящ(ными) в ее гостиной, удивлялись, чувствуя себя снова мужиками вне ее гостиной.

Так до тех пор, пока все стали разъезжаться, просидели вдвоем Татьяна и Балашов. М(ихаил) М(ихайлович) ни разу не взглянул на них^{33*}. Он говорил о миссии — это занимало его — и, уехав раньше других, только сказал:

— Я пришлю карету, мой друг.

^{32*} Далее начато: странной при(вычке)

^{33*} Далее начато: и, сказав жене

Т(атьяна) вздрогнула, хотела что-то сказать: — Ми., — но М(ихаил) М(ихайлович) уж шел к двери^{34*}.

С этого дня Т(атьяна) С(ергеевна) не получила ни одного приглашения на балы и вечера б(ольшого) света.

II

Прошло 3 месяца.

Стояло безночное петербургское лето^{35*}, все жили по деревням, на дачах и на водах за границей. М(ихаил) М(ихайлович) оставался в Петербурге по делам своей службы и избранного им любимого занятия миссии на востоке. Он жил в Петербурге и на даче в Царском, где жила его жена. М(ихаил) М(ихайлович) все реже и реже бывал последнее время на даче и все больше и больше погружался в работу, выдумывая ее для себя, несмотря на то, что домашний доктор находил его положение здоровья опасным и настоятельно советовал ехать в Пирмонт. Доктор Гофман был друг М(ихаила) М(ихайловича). Он любил, несмотря на все занятое время, засиживаться у Ставр(овича).

— Я еще понимаю наших барынь, они любят^{36*} становиться к н(ам), докт(орам), в положение детей — чтоб мы приказывали, а им бы можно не послушаться, скушать яблочко, но вы знаете о себе столько же, сколько я. Неправильное отделение желчи — образование камней, оттого раздражение нервной системы, оттого общее ослабление и большое расстройство, *circulus viciosus*^{37*}, и выход один — изменить наши усложненные привычки в простые. Ну, поезжайте в Царское, поезжайте на скачки. Держите пари, пройдитесь верст 5, посмотрите...

— Ах да, скачки, — сказал М(ихаил) М(ихайлович). — Нет, уж я в другой раз, а нынче дело есть.

— Ах, чудак^{38*}.

— Нет, право, доктор, — мямля проговорил М(ихаил) М(ихайлович), — не хочется. Вот дайте срок, я к осени отпрошусь у государя^{39*} в отпуск и съезжу в деревню и в Москву. Вы знаете, что при Покровском монастыре открыта школа миссионеров. Очень, очень замечательная.

В передней зазвенел звонок, и^{40*}, только что входил директор, старый приятель М(ихаила) М(ихайловича), в передней раздался другой звонок. Директор, стально-седой сухой человек, заехал только затем, что(бы) представить М(ихаилу) М(ихайловичу) англ(ичанина) миссионера, приехавшего из Индии, и второй звонок б(ыл) миссионера. М(ихаил) М(ихайлович) принял того и другого и сейчас же вступил с англ(ичанином) в оживленную беседу. Дир(ектор) вышел вместе с доктором. Док(тор) и д(иректор) остановились на крыльце, дожидаясь кучера извозчицкой коляски д(иректора), который торопливо отвязывал только что подвезенные торбы.

— Так нехорошо? — сказал д(иректор).

— Очень, — отвечал доктор. — Если бы спокойствие душевное, я бы ручался за него.

— Да, спокойствие, — сказал директор. — Я тоже ездил в Карлсбад, и ничего, оттого что я неспокоен душою.

^{34*} Далее начато: Я вы(шлю?)

^{35*} Вместо Стояло ~ лето было начато: Уж наступала безночная весна Петербурга, уже разъез(жались). После лето начато: балы

^{36*} Далее начато: чтобы им прика(зывали)

^{37*} заколдованный круг (лат.). В подлиннике: *circulum viciosum*.

^{38*} Далее начато: Ну вот видите, — сказал М(ихаил) М(ихайлович), обр(а-щаясь?)

^{39*} Далее начато: в Москву и в деревню

^{40*} Далее начато: не успел еще

— Ну да, иногда еще можно, а где ж М<ихайлу> М<ихайловичу> взять спокойствие с его женушкой.

Доктор молчал, глядя вперед на извозчика, поспешно запахивающего и засовывающего мешок с овсом под сиденье.

— Правда, что она беременна? — ск<азал> д<иректор>.

— Да, это правда, — также сухо ск<азал> д<октор>.

— После 6 лет. Как странно.

— Вы, верно, на дачу, — сказ<ал> д<октор>.

— До свиданья. Захар, подавай.

И оба разъехались. Дир<ектор> ехал и с удов<ольствием> думал о том, как хорошо устраивает судьба, что не все дается одному. Пускай М<ихайл> М<ихайлович> моложе его, имеет доклады у государя и тон, что он пренебрегает почестями, хотя через две получил Владимира, зато в семейной жизни он упал так низко.

Доктор думал, как ужасно устроила судьба жизнь такого золотого человека, как М<ихайл> М<ихайлович>. Надо было ему^{41*} это дьявольское наваждение — женитьбы, и такой женитьбы. Как будто для того только, чтоб втоптать его в грязь перед такими людьми, как этот директор.

III

Иван Балашов обедал в артели своего полка раньше обыкновенного. Он сидел^{42*} в расстегнутом над бел<ым> жилетом сюртуке, облокотившись обеими руками на стол, и, ожидая заказ<анного> обеда, читал на тарелке франц<узский> роман.

— Гей, человек! Пошли ко мне, чтоб Корд сейчас пришел сюда, — сказал он^{43*}. Подали суп^{44*} в серебрян<ой> мисочке, и он вылил себе на тарелку. Он доедал суп, когда в столовую вошли офицер и статский.

Б<алашов> взглянул на них и отвернулся опять, будто не видя.

— Что, подкрепляешься на работу, — сказал^{45*} офицер, садясь подле него.

— Да. Ты видишь.

— А вы не боитесь потяжелеть, — сказал толстый, пухлый штатский, садясь подле молодого офицера.

— Что? — сердито сказал Б<алашов>.

— Не боитесь потяжелеть, граф?

— Гей, человек, подай мой херес, — сказал Б<алашов>, не отвечая.

Штатский тоже спросил у офицера, будет ли он пить, и, улыбно глядя на него, просил его выбрать.

— И вели подать.

Твердые шаги послышались в зале, вошел молодчина-ротмистр и ударил по плечу Б<алашова>.

— Так умно, Ваня. Я за тебя держу с Голицыным.

Вошедший точно так же сухо отнесся к штатскому и офицеру, как и Б<алашов>. Но Б<алашов> весело улыбнулся ротмистру.

— Что же ты вчера делал? — спросил он.

— Проиграл пустяки.

— Пойдем, я кончил, — сказал Б<алашов>^{46*}.

41* Далее начато: жену

42* Далее начато: облокотившись обоими локтя<ми>

43* Далее начато: и опять

44* Первоначально: Когда ему подали суп

45* Далее начато: а. старший; б. младший

46* Вместо Пойдем ~ Балашов было: Пойдем [ко мне] в биллиардную. Туда вели принести.

И, встав, они пошли к двери. Р<отмистр> громко, почти не стесняясь, сказал:

— Эта гадина как мне надоела. И мальчишка жалок мне.

— Да. Я больше не буду есть. Ни шампанского, ничего.

В биллиардной никого не было еще, они сели рядом. Р<отмистр> выгнал маркера.

Корд, англичанин, пришел и на вопрос Б<алашова>, о том, как лошадь Тину^{47*}, получил ответ, что весела и ест корм, как следует есть честной лошади.

— Я приду, когда вести, — сказал Б<алашов> и отправился к себе, чтоб переодеться во все чистое и узкое для скачки. Р<отмистр> пошел с ним и лег, задрав ноги, на кровать, пока Б<алашов> одевался. Товарищ, сожитель Б<алашова> Несвицкий, спал. Он кутил всю прошлую ночь. Он проснулся^{48*}.

— Твой брат был здесь, — сказал он Б<алашову>. — Разбудил меня, черт его возьми, сказал, что придет опять. Это кто тут? Грабе? Послушай, Грабе. Что бы выпить после перепоя? Такая горечь, что...

— Водки лучше всего. Терещенко, водки барину и огурец.

Б<алашов> вышел в подштаниках, натягивая в шагу.

— Ты думаешь, это пустяки. Нет, здесь надо, чтоб было узко и плотно, совсем другое, вот славно. — Он поднимал ноги. — Новые дай сапоги.

Он почти оделся, когда пришел брат. Такой же плеш<ивый>, с серьгой, коренастый и курчавый.

— Мне поговорить надо с тобой.

— Знаю, — сказал Иван Б<алашов>, покраснев вдруг.

— Ну, секреты, так мы уйдем.

— Не секреты. Если он хочет, я при них скажу.

— Не хочу, потому что знаю все, что скажешь, и совершенно напрасно.

— Да и мы все знаем, — сказал, выходя из-за перегородки в красном одеяле Несв<ицкий>.

— Ну, так что думают там, мне все равно. А ты знаешь лучше меня, что в этих делах никого не слушают люди, а не червяки. Ну и все. И пожалуйста, не говори, особенно там.

Все знали, что речь шла о том, что^{49*} тот, при ком состоял старший брат Б<алашова>, ^{50*} б<ыл> недоволен тем, что Б<алашов> компрометировал Став<рович>.

— Я только одно говорю, — ск<азал> ст<арший> брат, — что эта неопределенность нехороша. Уезжай в Ташкент, за границу, с кем хочешь, но не...

— Это все равно, как я сяду на лошадь, объеду круг, и ты меня будешь учить, как ехать. Я чувствую лучше тебя.

— И не мешай, он доедет, — закричал Н<есвицкий>. — Послушайте, кто же со мной выпьет? Так водки, Грабе? Противно. Пей. Потом пойдем смотреть, как его обскачут, и выпьем с горя.

— Ну, однако, прощайте, пора, — ск<азал> И<ван> Б<алашов>, взглянув на отц<овский> стар<инный> брегет, и застегнул куртку.

— Постой, ты волоса обстриги.

— Ну, хорошо.

^{47*} Первоначально: Джим

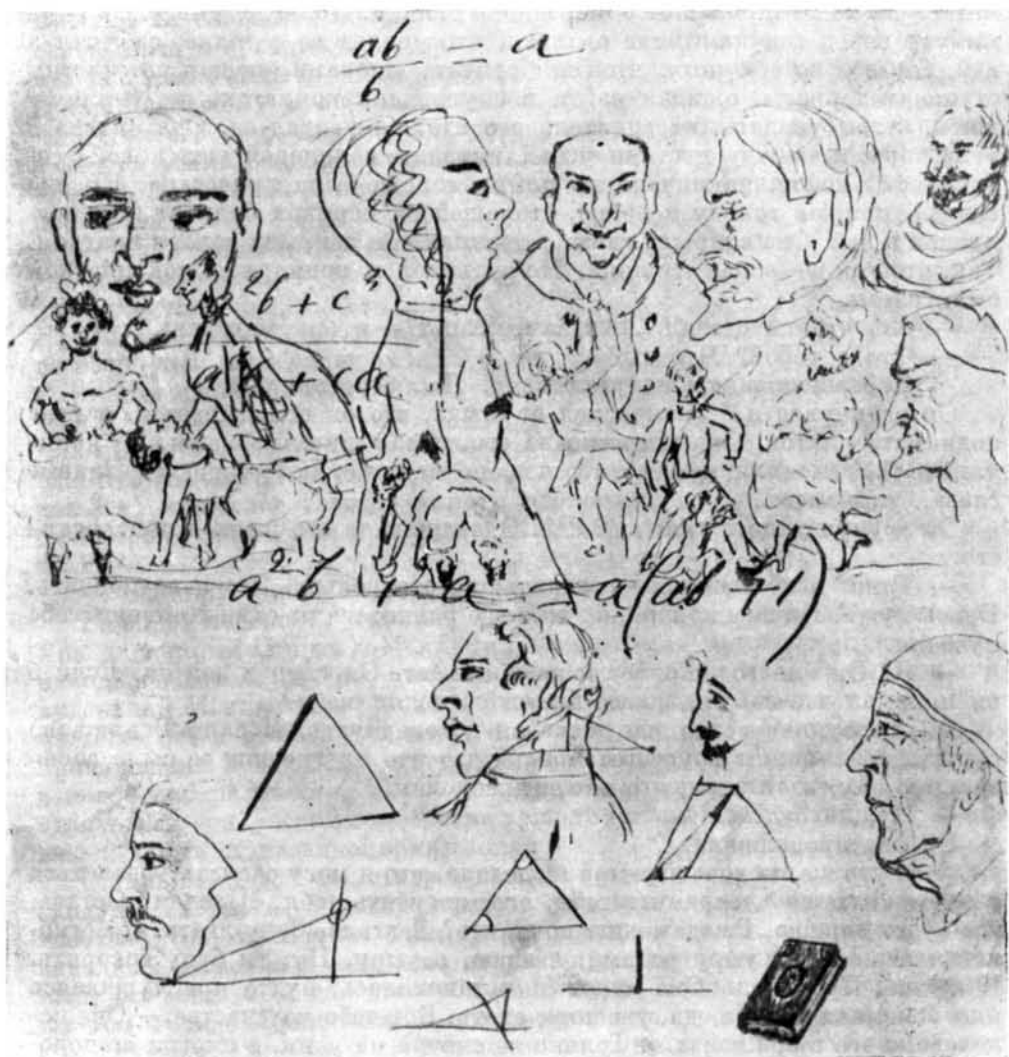
^{48*} Первоначально: и только проснулся.

^{49*} Далее начато: при дворе одно лицо

^{50*} Далее начато: заметил, чт<о>

Иван Балашов надвинул прямо с затылка на лысину свою фуражку и вышел, еще разминаясь ногами.

Он зашел в конюшню, похолодил Типу, которая, вздохнув тяжело при его входе в стойло, покосилась на него своим большим глазом и, отворотив левое заднее копыто, свихнула зад на одну сторону. «Копыто-то,—

РИСУНКИ ТОЛСТОГО НА ЛИСТЕ РУКОПИСИ «АННЫ КАРЕНИНОЙ»

Архив Толстого, Москва

подумал И<ван> Б<алашов>. — Гибкость!» Он подошел еще ближе, перекинул прядь волос с гривы, перевалившуюся направо, и провел рукой по острому глянецвит<ому> загривку и по крупу под попоной.

— All right, — повторил Корд, сучая.

И<ван> Б<алашов> вскочил в коляску и поехал к Т<атьяне> Ставрович.

Она была больна и скучна. В первый раз беременность ее давала себя чувствовать.

IV

Он вбежал в дачу и, обойдя входную дверь, прошел в сад и с саду, тихо ступая по песку^{51*}, крадучись, вошел в балконную дверь. Он знал, что мужа нет дома, и хотел удивить ее.

Накануне он говорил ей, что не заедет, чтоб не развлекаться, потому что^{52*} не может думать ни о чем, кроме скачки. Но он не выдержал и на минуту перед скачками, где он знал, что увидит ее в толпе, забежал к ней. Он шел во всю ногу, чтоб не брэнчать шпорами, ступая по отлогим ступеням террасы, ожидая найти в внутренних комнатах, но, оглянувшись, чтобы увидеть, не видит ли его кто, но увидал ее. Она сидела в углу террасы между цветами у баллюстрады в лиловой шел(ковой) собр(анной) кофте, накинутой на плечи, голова была причесана. Но она сидела, прижав голову к лейке, стоявшей на перилах балкона. Он подкрался к ней. Она открыла глаза, вскрикнула и закрыла голову платком. Так, чтоб он не видал ее лица. Но он видел и понял, что под платком были слезы.

— Ах, что ты сделал... Ах, зачем... Ах,— и она зарыдала...

— Что с тобой? Что ты?

— Я беременна, ты испугал меня. Я... беременна.

Он оглянулся и^{53*} покраснел от стыда, что он оглядывается, и стал поднимать платок. Она удерживала его, делая ширмы из рук. В конце улицы <?>^{54*} сияли мокрые от слез, но нежные, потерянно счастливые глаза, улыбаясь...

Он всунул лицо в улицу <?>^{54*}. Она прижала его щеки и поцеловала его.

— Таня, я обещался не говорить, но это нельзя. Это надо кончить. Брось мужа. Он знает, и теперь мне все равно; но ты сама готовишь себе мученья.

— Я? Он ничего не знает и не понимает. Он глуп и зол он. Если б он понимал что-нибудь, разве бы он оставлял меня?

Она говорила быстро, не поспевая договаривать. И(ван) Б(алашов) слушал ее с лицом грустным, как будто это настроение ее было давно знакомо ему, и он знал, что оно непреодолимо.

— Ну, не будем.

Но она продолжала.

— И что же ты хочешь, чтоб я сделала, что я могу сделать? Сделаться твоей maitresse^{55*}, осрамить себя, его, погубить тебя. И зачем? Оставь, все будет хорошо. Разве можно починить? Я лгала, буду лгать. Я погибшая женщина. Я умру родами, я знаю, я умру. Ну, не буду говорить. И нынче. Пустяки.— Она вдруг^{56*} остановилась, будто прислушиваясь или вспоминая.— Да, да, уж пора ехать. Вот тебе на счастье.— Она поцеловала его в оба глаза.— Только не смотри на меня, а смотри на дорогу и на препятствиях не горячи Тани, а спокойнее. Я за тебя держу три пари. Ступай.

Она подала ему руку и вышла. Он вздохнул и пошел к коляске. Но как только он выехал из переулков дач, он уже не думал о ней. Скачки с беседкой, с флагом, с подъезжающими колясками, с лошадьми, провозимыми в круг, открылись ему, он забыл все, кроме предстоящего.

51* Далее начато: прошел

52* Далее начато: занят будет одной

53* Далее начато: видимо

54* Так в подлиннике.

55* любовницей (франц.).

56* Первоначально: Она встала. Вдруг

V

Б<алашов> пробежал мимо толпы знакомых, кланяясь невпопад и слыша, что в толпе на него показывали как на одного из скачущих и на самого надежного скакуна. Он пошел к своей Тани, которую водил конюх и у которой стоял Корд, и, входя, разговаривал. По дороге он наткнулся на главного соперника, Нельсона Голицына. Его вели в седле два конюха в красных картузах. Невольно заметил Б<алашов> его спину, зад, ноги, копыты. «Вся надежда на езду против этой лошади», — подумал Б<алашов> и побежал к своей.

Перед его подходом лошадь остановили. Высокий, прямой статский с седыми усами осматривал лошадь. Подле него стоял маленький, худой, хромой. Маленький хромой, в то самое время, как Б<алашов> подходил, проговорил:

— Слов нет, лошадь суха и ладна, но не она придет.

— Это отчего?

— Скучна. Не в духе.

Они замолчали, когда подошел Б<алашов>^{57*}. Седой в высокой шляпе обернулся к Б<алашову>.

— Поздравляю, мой милый. Прекрасная лошадь, я подержу^{58*} за тебя.

— Каков ездок будет? — сказал Б<алашов>.

Высокий штатский окинул взглядом сбитую коренастую фигурку Б<алашова> и веселое твердое лицо и одобрительно улыбнулся.

В толпе зашевелилось, зашевелились жандармы. Народ побежал к беседке.

— Великий князь, государь приехали, — послышались голоса.

Балашов побежал к беседке. У весов толпилось человек 20 офицеров. Три из них, Г<олицын>, М<илютин> и З., были приятели Б<алашова>, из одного с ним петербургского круга. И один из них, маленький, худенький М<илютин>, с подслеповатыми сладкими глазками, был, кроме того, что и вообще несимпатичный ему человек, несмотря на то, что принадлежал к высшему свету, мальчик гордый и с оттенком учености и новой либеральности. Кроме того, он был соперник самый опасный, отличный ездок, легкий по весу и на лошади кровной, в^{59*} Италии <?> взявшей 2 приза и недавно привезенной.

Остальные были мало известные в петербургском свете гвардейские кавалеристы, армейцы, гусары, уланы и один казак. Были юноши еще без усов, мальчики, один гусар, совсем мальчик с детским лицом, складный, красивый, напрасно старавшийся принять вид строго серьезный, особенно обращал на себя внимание. Б<алашов> с знакомыми, и в том числе с М<илютиным>, поздоровался по своему обыкновению просто, радушно, одинаково крепко пожимая руку и глядя в глаза. М<илютин>, как всегда, был ненатурален^{60*}, твердо смеялся, выставляя свои длинные зубы.

— Для чего вешать? — сказал кто-то. — Все равно надо нести что есть в каждом.

— Для славы господ. Записывайте: 4 п. 5 ф.

Уже немолодой конный гренадер <?> <1 нрзб.> слез с весов.

— 3 п. 18 ф., 4 п. 1 ф.

—^{61*} Пишите прямо 3,2, — сказал Милютин.

^{57*} Далее начато: Старый

^{58*} Первоначально: я поставлю

^{59*} Далее было: Анг<лий>

^{60*} Далее начато: привычно и твердо и

^{61*} Далее начато: Пойдите.

— Нельзя. Надо поверить...

В Б<алашове> было 4,35 пудов.

— Вот не ждал бы, что вы так тяжелы.

— Да, не сбавляет.

— Ну, господа, скорее. Государь едет.

По лугу рассыпались бегущие фигуры к своим лошадям. Б<алашов> подошел к Tiny. Корд давал последние наставления.

— Помните одно, не смотрите на других и не думайте о них. Не обгоняйте. Перед препятствиями не удерживайте и не посылайте. Давайте ей выбирать самой, как она хочет приступить. Труднее всех для вас канавы, не давайте ей прыгать вдаль.

Б<алашов>^{62*} засунул палец под подпруги. Она, прижав уши, оглянулась.

— All right, — улыбаясь сказал англ<ичанин>^{63*}.

Б<алашов> был немного бледен, как он мог с его смуглым лицом^{64*}.

— Ну, садитесь.

Б<алашов> оглянулся. Кое-кто сидел, кто заносил ноги, кто вертелся около недающи<хся> садиться. Б<алашов>^{65*} вложил ногу и гибко сильно приподнял тело. Седло закрипело новой кожей, и лошадь подняла заднюю ногу и потянула головой в поводья. В один и тот же момент поводья улеглись в перчатку, Корд пустил, и лошадь тронулась вытягивающим шагом. Как только Бал<ашов> подъехал к кругу и звонку и мимо его проехали двое, лошадь подтянулась и подняла шею, загорячилась и, несмотря на ласки, не успокаивалась, то с той, то с другой стороны стараясь обмануть седока и вытянуть поводья. Мимо его галопом проехал Милютин на 5-вершковом гнедом жеребце и осадил его у звонка. Тани выкинула левую ногу и сделала два прыжка, прежде, чем, сердясь, не перешла на трясую рысь, подкидывая седока.

Порывы, прискочки, повороты назад, затишье, звонок, и Балашов пустил свою лошадь в самый момент звонка. Казачий оф<ицер> на серой лошадке проскакал неслышно мимо его, за ним^{66*}, легко вскидывая, но тяжело отбивая задними ногами, проплыл М<илютин>. Тани влегла в поводья и приблизилась к хвосту М<илютина>. Первое препятствие был барьер. М<илютин> был впереди и, почти не переменяя аллюра, перешел барьер и пошел дальше. С к<азачьим> о<фицером> Б<алашов> подскакивал вместе. Т<ани> рванулась и близко слишком поднялась, стукнула задней ногой. Б<алашов> пустил поводья, прислушиваясь к такту скачки, не ушиблась ли она. Она только прибавила хода. Он опять стал сдерживать. Второе препятствие была река. Один упал в ней. Б<алашов> подержал влево и не посылал, но он почувствовал в голове лошади в ушах нерешительность; он чуть приложил шенкеля и щелкнул языком. «Нет, я не боюсь», — как бы сказала лошадь, рванулась в воду. Один, другой прыжок по воде. На третьем она затропилась, два нетактные прыжка в зад, но последний прыжок так подкинул зад, что, видно было, она шутя выпростала ноги из тины и вынесла на сухое. М<илютин> был там сзади. Но не упал. Б<алашов> слышал приближ<ающийся> ровный поскок его жеребца. Б<алашов> оглянулся: сухая чернеющая от капель пота голова жеребца, его тонкий хр<ап> с прозр<ачными> красн<ыми> на нем ноздрями приблизилась к крупу его лошади, и Милютин улыбался ненатурально.

Б<алашову> неприятно б<ыло> видеть М<илютина> с его улыбкой;

^{62*} Далее начато: потя<нул>

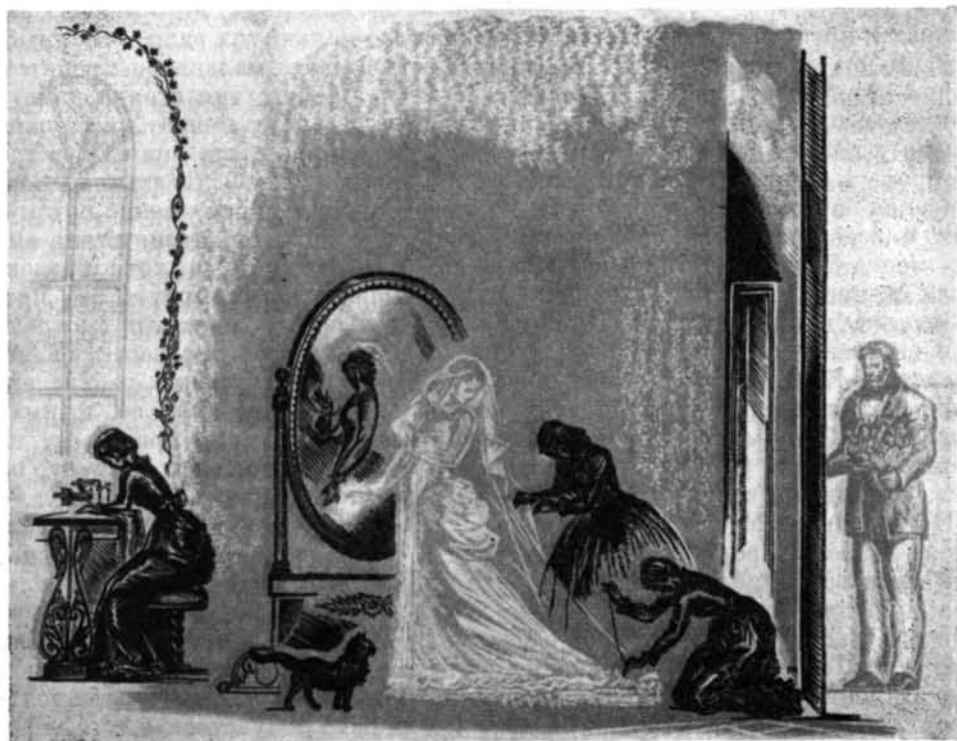
^{63*} Далее начато: Пожалуйста не

^{64*} Далее начато: а. Пожалуйста; б. кот<орый?>; в. Что есть надежда; г. Всякая

^{65*} Далее начато: а. сильно; б. вз<ял?>

^{66*} Далее начато: тяжело

он не сдержал Т<ани>. Она только что начинала потеть на плечах. Он даже, забыв увещания Корда, послал ее. «Так нужно наддать,— как будто сказала Т<ани>.— О, еще много могу»,— еще ровнее, плавнее, неслышнее стали ее усилия, и она отделилась от М<илютина>. Впереди было самое трудное препятствие: стенка и канава за нею. Против этого препятствия стояла кучка народа. Было их большинство своих приятелей. М. О., товарищи Гр<абе> и Н<есвицкий> и несколько дам. Б<алашов> уже был в том состоянии езды, когда перестаешь думать о себе и лошади отдельно, когда не чувствуешь движений лошади, а создаешь

«КИТИ-НЕВЕСТА»

Гравюра Н. И. Пискарева, 1933 г.

Иллюстрация к изданию романа «Анна Каренина» на английском языке

эти движения, как свои собственные, и потому не сомневался в них. Хочешь перескочить этот вал и перескочишь. Ни правил, ни советов Корда он не помнил, да и не нужны ему были. Он чувствовал за лошадь и всякое движение ее знал и знал, что препятствие это он перескочит так же легко, как сел на седло. Кучка людей у препятствия были его приятели. Гр<абе> выше всех головой стоял в середине и любовался. Приятелем Б<алашовым> он всегда любовался, утешаясь им после мушек, окружавших его. Теперь он люб<овался> им больше, чем когда-нибудь. Он своими зоркими глазами издали видел его лицо и фигуру и лошадь и глазами дружбы сливался с ним и, так же как и Б<алашов>, знал, что он перескочит лихое препятствие. Но когда артиллерист знает, что выстрелит пушка по м<ушке>, которую он ударяет, он все-таки дрогнет при выстреле, так и теперь он и они все с замираньем смотрели на приближающуюся качающуюся голову лошади, приглядывающейся к предстоящ<ему>

препятствию, и на нагнутую вперед широкую фигуру Б<алашова> и на его бледное, но веселое лицо и блестящие, устремленные вперед и мелькнувшие на нем глаза.

«Лихо едет». — «Погоди». — «Молчите, господа». Тани как раз размеряла место и поднялась с математически верной точки, чтобы дать прыжок. Лица всех просияли в то же мгновение, они поняли, что она на той стороне, и точно мелькнула поднятая голова и грудь и раз и два вскинутый зад, и не успели задние ноги попасть на землю, как уже передние поднялись, и лошадь и седок, вперед предугадавший все движения и неотделившийся от седла, уже скакали дальше. «Лихо, браво, Балашов», — проговорили зрители, но уже смотрели на М<илиютина>, который подскакивал к преп<ятствию>. На лице Б<алашова> мелькнула радостная улыбка, но он не оглядывался. Впереди и сейчас было маленькое препятствие — канава с водой в 2 аршина. У этого препятствия стояла дама в лиловом платье, другая в сером и два господина. Б<алашову> не нужно было узнавать даму, он с самого начала скачек знал, что она там, в той стороне и физически почувствовал приближение к ней. Т<атьяна> Серг<еевна> пришла с золовкой и Б. Д. к этому препятствию именно потому, что она не могла быть спокойна в беседке, и у большого препятствия она не могла быть. Ее пугало, волновало это препятствие. Она, хотя и ездок, как женщина, не могла понять, как возможно перепрыгнуть это препятствие на лошади. Она остановилась дальше, но и оттуда смотрела на страшное препятствие. Она видела сон, и сон этот предвещал ей несчастье. Когда он подъезжал к валу (она давно в бинокль узнала его впереди всех), она схватилась рукой за сестру, перебирая ее, сжимая нервными пальцами. Потом откинула бинокль и хотела броситься, но опять схватила бинокль, и в ту минуту, как она искала его в трубу, он уже был на этой стороне^{67*}. — «Нет сомнения, что Б<алашов> выиграет». — «Не говорите, М<илиютин> хорошо едет. Он сдерживает. Много шансов». — «Нет, хоро<ш> этот». — «Ах, опять упал». Пока это говорили, Б<алашов> приближался, так что лицо его видно было, и глаза их встретились. Б<алашов> не думал о канавке, и действ<ительно> нечего было думать. Он только послал лошадь. Она поднялась, но немножко рано. Так чтоб миновать канаву, ей надо бы прыгнуть не 2, а 3 аршина, но это ничего не значило ей, она знала это, и он вместе. Они думали только о том, как скакать дальше. Вдруг Б<алашов> почувствовал в то мгновение, как перескочил, что зад лошади не поддал его, но опустился неловко (нога задняя попала на край берега и, отворотив дернину, осунулась). Но это было мгновение. Как бы рассердившись на эту неприятность и пренебрегая ею, лошадь перенесла всю силу на другую задн<ую> ногу и бросила, уверенная в упругости задней левой, весь перед вперед. Но боком ли стала нога, слишком ли понадеялась на силу ноги лошади, неверно ли стала нога, нога не выдержала, перед поднялся, зад подкосился, и лошадь с седоком рухнула назад на самый берег канавы. Одно мгновение, и Б<алашов> выпростал ногу, вскочил и бледный, с трясущейся челюстью, потянул лошадь, она забилась, поднялась, запаталась и упала. М<илиютин> с белыми зубами перелетел через канаву и исчез. К<азачий> офицер ерзонул через, еще третий. Б<алашов> схватился за голову. «А-а!» — проговорил он и с бешенством ударил каблуком в бок лошади. Она забилась и оглянулась на него. Уже бежали народ и Корд. Т<атьяна> С<ергеевна> подошла тоже.

— Что вы?

Он не отвечал. Корд говорил, что лошадь сломала спину. Ее оттащивали. И его ошупывали. Он сморщился, когда его тронули за бок. Он ^{67*}

^{67*} Далее начато: Очень хорошо едет.

сказал Т<атьяне> С<ергеевне>: «Я не ушибся, благодарю вас», — и пошел прочь, но она видела, как его поддерживал доктор и как под руки посадили в дрожки^{68*}.

VI

Не одна Т<атьяна> С<ергеевна> зажмурилась при виде скакунов, подходивших к препятств<иям>. Государь^{69*} зажмуривался всякий раз, как офиц<ер> подходил к препят<ствиям>. И когда оказалось, что из 17 человек упало и убито 12, государь недовольный уехал и сказал, что он не хотел этого и таких скачек, ч<то> ломать шеи не позволит вперед. Это же мнение и прежде слышалось, хотя и смутно, в толпе, но теперь вдруг громко высказалось.

М<ихаил> М<ихайлович> приехал-таки на скачку, не столько для того, чтобы последовать совету д<октора>, но для того, чтоб разрешить мучавшие его сомнения, которым он не смел, но не мог не верить. Он решился говорить с женой последний раз и с сестрою, с божественной Кити, которая так любила, жалела его, но которая должна же была понять, что прошло время жалеть, что сомнения даже хуже его горя, если есть что-нибудь в мире хуже того горя, которого он боялся. В доме на даче, разумеется, никого не было. И М<ихаил> М<ихайлович>, отпустив извозчика, решил пойти пешком, следуя совету доктора. Он заложил за спину руки с зонтиком и пошел, опустив голову, с трудом отрываясь от своих мыслей, чтобы вспоминать на перекрестках, какое направление надо выбирать. Он пришел к скачкам, когда уже водили потн<ых> лошадей, коляски развезжались. Все были недовольны, нек<оторые> взволнованы. М<илиутин>, победитель, весело впрыгнул в коляску к матери.

У разъезда столкнулся с Голиц<ыной> и сестрой.

— Bravo, М<ихаил> М<ихайлович>. Неужели ты пешком?

— Но что с вами?

— Должно быть, устал.

Он в самом деле от непривычного движения скачки в то время как был, как сума<с>шедший, так раздражен нервами, чувствовал полный упадок сил и непреодолимую решительность.

— А Т<аня> где?

Сестра покраснела, а Г<олицына> стала говорить с стоявшими подле о падении Б<алашова>. М<ихаил> М<ихайлович>, как всегда при имени Б<алашова>, слышал все, что его касалось, и в то же время говорил с сестрой. «Она пошла с Н<есвицким> к канаве. Она хотела приехать домой одна». Сестра лгала: она видела в бинокль, что Т<атьяна> С<ергеевна> пошла вслед за падением Б<алашова> к своей коляске и знала, как бы она сама видела, что Т<атьяна> С<ергеевна> поехала к нему. М<ихаил>

^{68*} На полях написано:

М<ихаил> М<ихайлович> приехал и не нашел ее. [Она]. Сестра говорит, что не может говорить.

Она лжет.

Объяснение о беременности.

Отъезд М<ихаила> М<ихайловича> в Москву.

Роды. Прощение.

Л<еоид> Д<митрич> затащил к себе обедать. Его жена — разговор с [сестрой] кузиной.

Едет [домой] в Петербург. Нигилисты утешают. М<ихаил> М<ихайлович> горячится.

Он уезжает [в деревню] в Петербург.

На комитете.

Приходит домой и отравляет<ся>».

Написано очевидно позднее относящееся к первой теме: Муж приехал. Она ревует, бледная. Ее не пустили к любовнику, и признается.

^{69*} Далее начато: остался недоволен

М<ихайлович> тоже понял это, услышав, что Б<алашов> сломал ребро. Он спросил, с кем она пошла. С Н<есвицким>. Не хочет ли он взять место в коляске Г<олицыной>, его доведут.

— Нет, благодарю, я пройдуся.

Он с тем^{70*} официальным приемом внешних справок решил основательно узнать, где его жена. Найти Н<есвицкого>, спросить его, спросить кучера. Зачем он это делал, он не знал. Он знал, что это ни к чему не поведет, знал и чувствовал всю унижительность роли мужа, ищущего свою жену, которая ушла. «Как лошадь или собака ушла», подумал он. Но он холодно односторонне решил это и пошел. Н<есвицкий> тотчас же попался ему.

— А, М<ихаил> М<ихайлович>.

— Вы видели мою жену?

— Да, мы стояли вместе, когда Б<алашов> упал и все это попадало. Это ужасно. Можно ли так глупо!

— А потом?

— Она поехала домой, кажется. Я понимаю, что для М-ше Ст<аврович> это, да и всякую женщину с нервами. Я мужчина, и то нервы. Это гладиаторство. Недостает цирка с львами.

Это была фраза, которую сказал кто-то, и все радовались повторять. М<ихаил> М<ихайлович> взял извозчика и поехал домой. Жены не было. Кити сидела одна, и лицо ее скрывало что-то под неестественным оживлением.

М<ихаил> М<ихайлович> подошел к столу, поставил локти, сдвинув чашку, которую подхв<атила> Кити, положил голову в руки и начал вздыхать^{71*}, но остановился. Он открыл лицо.

— Кити, что ж, решительно это так?

— Мишель, я думаю, что я не должна ни понимать тебя, ни отвечать тебе. Если я могу свою жизнь отдать для тебя, ты знаешь, что я это сделаю; но не спрашивай меня ни о чем. Если я нужна, вели мне делать.

— Да, ты нужна, чтоб вывести меня из сомненья.— Он глядел на нее и понял ее выражение при слове *сомненье*.— Да и сомнений нет, ты хочешь сказать. Все-таки ты нужна, чтоб вывести меня из сомненья. Так жить нельзя. Ты привыкла у меня спрашивать, от меня учиться жизни. Забудь это все. Я несчастное, невинное наказанное дитя. Мне рыдать хочется, мне хочется, чтоб меня жалели. Чтоб научили, что мне делать. Правда ли это? Неужели это правда? И что мне делать?

— Я ничего не знаю, я ничего не могу сказать. Я знаю, что ты несчастлив, а что я...

— Как несчастлив?

— Я не знаю как, я вижу и ищу помочь.

В это время зазвучали колеса, раздавливающие мелкий щебень, и фыркнула под самым окном одна из лошадей остановившегося экипажа. Она вбежала прямая, румяная и опять больше чем когда-нибудь с тем дьявольским блеском в глазах; с тем блеском, который говорил, что, имея в душе то чувство, которое она имела, преступленья нет и нет ничего, что бы остановило. Она поняла мгновенно, что говорили о ней. Враждебное блеснуло в ее взгляде, в ней, в доброй, ни одной искры жалости к этим 2 прекрасным (она знала это) и несчастным от нее 2-м людям.

— И ты здесь? Когда ты приехал? Я не ждала тебя. А я была на скачке и потом от ужаса при этих паденьях уехала.

^{70*} Далее начато: внешним

^{71*} Вместо начал вздыхать было: тяжело вздох<нул>

— Где ты была?

— У... у Лизы, — сказала она, видимо радуясь своей способности лжи, — она не могла ехать, она больна, я ей все рассказала.

И как бы радуясь и гордясь своей способностью (неизвестной доселе) лжи, она, вызывая, прибавила:

— Мне говорили, что убили П., и Балашов очень убит. Ну, я пойду разденусь. Ты ночуешь?

— Не знаю, мне очень рано завтра надо.

Когда она вышла, К<ити> сказала:

— М<ишель>, я не могу ничего сказать, позволь мне обдумать, и я завтра напишу тебе.

Он не слушал ее.

— Да, да, завтра.

Сестра поняла.

— Ты хочешь говорить с ней?

— Да, я хочу.

Он смотрел неподвижно на самовар и именно думал о том, что он скажет ей. Она вошла в блузке спокойная, домашняя. Сестра вышла. Она испугалась.

— Куда ты?

Но К<ити> ушла.

— Я приду сейчас.

Она стала пить чай с аппетитом, много ела. Опять дьявол!

— Таня, — сказал М<ихаил> М<ихайлович>. — Думаешь ли ты... ду... думаешь ли ты, что мы можем так оставаться?

— Отчего? — Она вынула сухарик из чая. — Что ты в Петербурге, а я здесь? Переезжай сюда, возьми отпуск.

Она улыбающ<имися>, насмешливыми глазами смотрела на него.

— Таня. Ты ничего не имеешь сказать мне особенного?

— Я? — с наивным удивлением сказала она и задумалась, вспоминая, не имеет ли она что сказать. — Ничего, только то, что мне тебя жаль, что ты один.

Она подошла и поцеловала его в лоб. И то же сияющее, счастливое, спокойное, дьявольское лицо, выражение которого, очевидно, не имело корней в разуме, в душе.

— А, ну так хорошо, — сказал он и невольно, сам не зная как, подчинился ее влиянию простоты, и они поговорили о новостях, о денежных делах.

Только один раз, когда он передал ей чашку и сказал: «еще, пожалуйста», она вдруг без причины покраснела так, что слезы выступили на глаза, и опустила лицо. К<ити> пришла, и вечер прошел обыкновенно.

Она проводила его на крыльцо и, когда в месячном свете по безночному свету садился в коляску, она сказала своим грудным голосом:

— Как жаль, что ты уезжаешь, — и прибежала к коляске и кинула ему свой плед на ноги. Но когда коляска отъехала, он знал, что она, оставшись у крыльца, страдала ужасно.

На другой день М<ихаил> М<ихайлович> получил письмо от К<ити>. Она писала: «Я молилась и просила просвещения свыше. Я знаю, что мы обяз<аны> сказать правду. Да, Т<атьяна> неверна тебе, и это я узнала против воли. Это знает весь город. Что тебе делать? Я не знаю. Знаю одно, что христово учение будет руковод<ить> т<обой>».

Твоя К<ити>».

С тех пор М<ихаил> М<ихайлович> не видал жены и скоро уехал <из> Пет<ербурга>^{72*}.

^{72*} В подлиннике описка: в Пет<ербург>

VII

О беременности. Он глуп, насмешливость.

VIII

М<ихаил> М<ихайлович> в Москве. Л<еоид> Д<митрич> затащил обедать. Его жена. Разговор о неверности мужа. Дети похожи на отца.

IX

В вагоне разговор с нигилистом.

X

Роды, прощает.

XI

М<ихаил> М<ихайлович> ходил по зале: «ш-ш», говорил он на шумевших слуг. И<ван> П<етрович> лег отдохнуть после 3-х бессонных ночей в кабинете. Чувство успокоения поддерживалось в М<ихаиле> М<ихайловиче> только христианск<ой> деятельностью. Он пошел в министерство, и там, вне дома, ему б<ыло> мучительно. Никто не мог понимать его тайны. Хуже того — и понимали, но навыворот. Он мучался вне дома, только дома он был покоен. Сужд<ения> слуг он презирал. Но не так думали И<ван> Б<алашов> и Т<атьяна>.

— Что же, это вечно будет так? — говорил Б<алашов>. — Я не могу переносить его.

— Отчего? Его это радует? Впрочем, делай как хочешь.

— Делай, разумеется, нужен развод.

— Но как мне сказать ему? Я скажу: «Мишель, ты так не можешь жить». Он побледнеет. — «Ты простил, будь великодушен, дай развод». — «Да, да, но как?» — «Я пришлю тебе адвоката». — «Ах да, хорошо».

■ Подробности процедуры для развода, унижение их — ужаснуло его. Но христ<ианское> чувство — это была та щека, которую надо подставить. Он подставил ее.

Через год М<ихаил> М<ихайлович> жил по-старому, работая тоже; но значение его уничтожилось!

XII

Хотели муссировать доброту христ<ианства> его, но это не вышло: здр<авый> смысл общества судил иначе, он был посмешищем. Он знал это, но не это мучало его. Его мучала необходимость сближения с прежней женой. Он не мог забыть ее ни на минуту, он чувствовал себя привяз<анным> к ней, как преступник к столбу. Да и сближения невольно вытекали через детей. Она смеялась над ним, но смех этот не смешон был. Б<алашов> вышел в отставку и не знал, что с собой делать. Он был за границей, жил в Москве, в Петербурге, только не жил в деревне, где только ему можно и должно было жить. Их обоих^{73*} свет притягивал^{74*}, как ночных бабочек. Они искали — умно, тонко, осторожно — признания себя такими же, как другие. Но именно от тех-то, от кого им нужно б<ыло> это признание, они не находили его. То, что свободно мыслящие люди дурного тона ездили к ним и принимали их, не только не радовало их, но огорчало. Эти одинокие знакомые очевиднее всего доказывали, что никто не хочет знать их, что они должны удовлетворять себе одни. Пу-

^{73*} Далее начато: как

^{74*} В подлиннике ошибочно повторено: их

высоту, с которой бы презирать тех, которые ее презирали; но способ постройки этой контр-батареи всегда один и тот же. И как только она задумала это, как около нее^{75*} уже стали собираться дурно воспитанные^{76*} писатели, музыканты, живописцы, которые не умели благодарить за чай, когда она им подавала его.

Он слишком был твердо хороший, искренний человек, чтоб променять свою гордость, основан<ную> на старом роде честн<ых> и образ<ованных> людей, на человеичн<ом> воспитании, на честности и прямоте^{77*}, на этот пузырь гордости какого-то выдуманного нового либерализма. Его верное чутье тотчас показало ему ложь этого утешения, и он слишком глубоко презирал их. Оставались дети, их было двое. Но и дети росли одни. Никакие англичан<ки> и наряды не могли им дать той среды дядей, теток, крестн<ой> матери, подруг, товарищей, которую имел он в своем детстве. Оставалось что же? Что же оставалось в этой связи, названной браком? Оставались одни животные отношения и роскошь жизни, имеющая смысл у лореток, п<отому> ч<то> все любят эту роскошь, и не имеющие здесь смысла. Оставались голые животные отношения, и других не было и быть не могло. Но еще и этого мало, оставался привидение М<ихаил> М<ихайлович>, который сам ли, или которого судьба всегда наталкивала на них, М<ихаил> М<ихайлович>, осунувшийся, сгор<бленный> старик, напрасно старавшийся выразить сияние счастья жертвы в своем сморщенном лице. И их лица становились мрачнее и старше по дням, а не по годам. Одно, что держало их вместе, б<ыли> ж<ивотные> о<тншения>. Они знали это, и она дрожала потерять его, тем более, что видела, что он тяготился жизнью. Он *отсикнулся*. Война. Он не мог покиннуть ее. Жену он бы оста<вил>, но ее нельзя было.

Не права ли была она, когда говорила, что не нужно было развода, что можно было оставаться так жить? Да, тысячу раз права.

В то время как они так жили, жизнь М<ихаила> М<ихайловича> становилась час от часу тяжелее^{78*}. Только теперь отзывалось ему все значение того, что он сделал. Одинокая комната его б<ыла> ужасна^{79*}.

Один раз Т<атьяна> С<ергеевна> сидела одна и ждала Б<алашова>, мучаясь ревностью. Он был в театре^{80*}. Дети легли спать. Она сидела, перебирая всю свою жизнь. Вдруг ясно увидела, что она погубила 2-х людей, добрых, хороших. Она вспомнила выходы — лоретка — нигилистка — мать (нельзя), спокойствие — нельзя. Одно осталось — жить и наслаждаться^{81*}. Друг Б<алашова>. Отчего не отдаться, не бежать, сжечь жизнь. Чем заболела, тем и лечись.

Человек пришел доложить, что приехал М<ихаил> М<ихайлович>.

— Кто?

— М<ихаил> М<ихайлович> желают вас видеть на минутку.

— Приси.

Сидит у лампы темная, лицо^{82*} испуган<ное>, непричесана.

— Я... вы я... вам...

Она хотела помочь. Он высказался.

— Я не для себя пришел. Вы несчастливы. Да, больше чем когда-нибудь. Мой друг, послушайте меня. Связь наша не прервана. Я видел, что

^{75*} Далее начато: собра<лось>?

^{76*} Далее начато: а. арт<исты>; б. му<зыканты>

^{77*} Далее начато: чтобы на эту горд<ость>

^{78*} Далее начато: Как шутка

^{79*} Далее начато: Один раз он пошел в комитет [о япон<ской>?] миссии. Говорили о ревности и убийстве жен. М<ихаил> М<ихайлович> встал медленно и поехал к оружейнику, зарядил пистолет и поехал к [себе] ней. Я не могу жить.

^{80*} Вместо был в театре было: был на бале

^{81*} Далее начато: Офицер

^{82*} Далее было: доброе

это нельзя. Я половина, я мучаюсь, и теперь вдвойне. Я сделал дурно. Я должен был простить и прогнать, но не надсмеяться над тайнством, и все мы наказаны. Я пришел сказать: есть одно спасенье. Спаситель. Я утешаюсь им. Если бы вы поверили, поняли, вам бы легко нести. Что вы сделаете, Он сам вам укажет. Но верьте, что без религии, без надежд на то, чего мы не понимаем, и жить нельзя. Надо жертвовать собой для него, и тогда счастье в нас. Живите для других, забудьте себя, для кого — вы сами узнаете: для детей, для него, и вы будете счастливы. Когда вы рожали, простить вас была самая счастливая минута жизни. Когда вдруг просияло у меня в душе... — Он заплакал. — Я бы желал, чтобы вы испытали это счастье. — Прощайте, я уйду. Кто-то.

Это был он. Увидав М<ихаила> М<ихайловича>, он побледнел. М<ихаил> М<ихайлович> ушел.

— Что такое значит?

— Это ужасно. Он пришел, думая, что я несчастна, как духовник.

— Очень мило.

— Послушай, Ив<ан>, ты напрасно.

— Нет, это ложь, фальшь, да и что ждать.

— Иван, не говори.

— Нет, невыносимо, невыносимо.

— Ну, постой, ты не будешь дольше мучаться.

Она ушла. Он сел в столовой, выпил вина, с све<чей> пошел к ней, ее не было. Она ушла.

Через день нашли в Неве ее тело ^{83*}.

Б<алашов> уехал в Ташкент, отдав детей сестре. М<ихаил> М<ихайлович> продолжал служить ^{84*}.

ВТОРОЙ НАБРОСОК

МОЛОДЕЦ-БАБА

I

Гости после оперы ^{85*} съезжались к ^{86*} молодой княгине Врасской ^{87*}. Княгиня Мика ^{88*}, как ее звали в свете, только успела, приехав из театра, снять шубку ^{89*} перед окруженным цветами зеркалом в ярко освещенной передней ^{90*}; еще она отцепляла маленькой ручкой в перчатке упрямо зацепившееся кружево за ^{91*} крючок шубки, когда из-под лестницы показалось в накинутах на высокую прическу красном башлыке красивое личико Нелли, и слышалось военное легкое бряцание шпор и сабли ее мужа, и показалась вся сияющая плешивая приглаженная голова и усатое лицо ее мужа.

^{83*} Вместо нашли в Неве ее тело вписано позднее: нашли под рельсами тело.
^{84*} По окончании текста вписано позднее (воспроизводится первоначальный текст): Слез.

Ей приходит мысль: если б он умер.

И она об себе вспомнила.

Ах, вот кому?

Слушает и не слышит <1 нрзб.>.

Перестали смеяться: когда связь.

М<ихаил> М<ихайлович> рассказывает свою историю <2 нрзб.> и плачет.

^{85*} Первоначально: после театра

^{86*} Далее начато: кня<гине>

^{87*} Вместо Врасской было: а. Кареловой; б. М<ика>?

^{88*} Далее было: хозяйка

^{89*} шубку ошибочно зачеркнуто.

^{90*} Вместо успела ~ передней было: успела снять шубку, в ярко освещенной блестящей зеркалами и цветами передней.

^{91*} Далее начато: ворот<ник>?

Княгиня Мика разорвала, сдернув, перчатку и все-таки не выпростила и разорвала кружево. Она улыбкой встретила гостей^{92*}, которых она только что видела в театре.

— Сейчас вытаску мужа из его кабинета и пришлю к вам, — проговорила она и скрылась за тяжелой портьерой. — Чай в большой гостиной, — сказала она толстому дворецкому, прошедшему за нее, — и князя просить.

Пока княгиня Мика в уборной с помощью^{93*} встретившей ее франтихи горничной розовыми пальчиками^{94*}, напудренными лебяжьим пухом, как бы ощупывала свое лицо и шею и потом стирала эту пудру, и горничная ловкими быстрыми пальцами^{95*} и гребнем потрогивала ее прическу, давая ей прежнюю свежесть^{96*}, и пока Нелли с мужем в передней^{97*} снимали шубы, передавая их^{98*} <на руки> следивших за каждым их движением ожидавших двух в чулках и башмаках лакеев, уж входная большая стеклянная дверь несколько раз беззвучно отворилась швейцаром, впуская новых гостей.

Почти в одно и то же время хозяйка с освеженным лицом и прической вышла^{99*} из одной двери и гости из другой в большую темную от абажуров гостиную, и естественно^{100*} все общество сгруппировалось около круглого стола с серебряным самоваром.

Разговор, как и всегда в первые минуты сбора, дробился на^{101*} приветственные речи^{102*}, на предложение чая, шутки, замечания об опере, певцах и певицах, как будто отыскивая предмет и не позволяя себе быть более завлекательным, пока еще продолжали входить гости.

— Ах, пожалуйста, не будем говорить об Нильсон. Я только и слышу это имя и одно и то же о ней и все такое, что должно быть ново, но что уж сделалось старо.

— А Кити будет? Отчего я давно ее не вижу?

— Она обещала; но ты знаешь, как можно рассчитывать на душу в кринолине, — отвечала хозяйка. — Да и потом мне кажется, что у ней есть что-то на сердце. Боюсь не с Ана ли что-нибудь.

— Ана так мила!

— О да. Могу я вам предложить чашку чая, — обращалась она к генералу. — А вот и Serge.

— Расскажите мне что-нибудь злое и веселое, — говорила известная умница фрейлина молодому дипломату.

— Говорят, что злое и смешное несовместимо, но я попробую, если вы мне дадите тему.

Хозяин, молодой человек с умным и истомленным лицом, вышел из боковой двери и здоровывается с гостями^{103*}.

—^{104*} Как вам понравилась Нильсон^{105*}, графиня, — говорит он, неслышно подойдя по мягкому ковру к полной красивой даме в черном бархатном платье.

92* Далее начато: и скрылась

93* Далее начато: горничной

94* Далее начато: открывала коробку с пудрой

95* Далее начато: потрогивала

96* Далее начато: приехавшая за

97* Далее начато: снимала шубку и оправляла

98* Далее начато: а. беззвучно; б. почтительно

99* Далее начато: в большую гостиную, и гости

100* Далее начато: образова<лись?>

101* Далее начато: мелкие замечания об опере, о том, где кто был, последн<ем?>

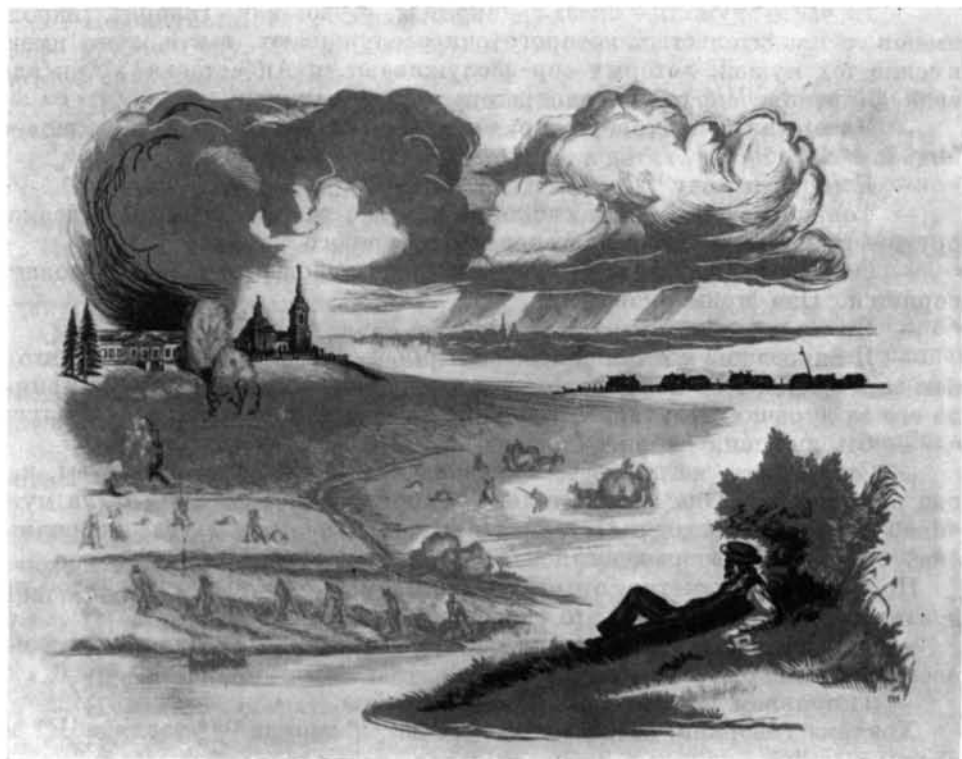
102* Далее начато: шутки, за<мечания>

103* Первоначально: с дамами

104* Перед этим начато: Можно

105* Далее начато: «Трав<иата>»

— Как можно так пугать,— отвечает дама, перегибаясь к нему с своим веером и подавая ему руку в перчатке, которую она не снимает, п(отому) ч(то) рука ее некрасива. — Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы думаете, что вы спускаетесь до меня, а я этого вам не позволяю. Я хочу спуститься до вас, до ваших гравюр. Расскажите мне, какие новые сокровища вы нашли на толкучке?..

«В ДЕРЕВНЕ»

Гравюра Н. И. Пискарева, 1933 г.

Иллюстрация к изданию романа «Анна Каренина» на английском языке

Совершенно незаметно стол устанавливается всем, что нужно для чая, гости^{106*} разместились все у круглого стола. Мужчины^{107*} обходят неслышно кресла дам и берут из рук хозяйки прозрачные дымящиеся паром чашки чая. Хозяйка^{108*} стоит с рукой с отставленным розов(ым) мизинчиком на серебряном кране и выглядывает из(за) самовара на гостей и на двери и дает знаки в тени стоящим 2-м лакеям. Разговор из отрубков фраз начинает устанавливаться в разных группах и для того чтобы сделаться общим и завлекательным, разумеется, избирает своим предметом лица всем известные, и, разумеется, об этих лицах говорят зло, иначе говорить было бы нечего, так как счастливые народы не имеют истории.

Такого рода разговор установился в ближайшем уголке к хозяйке, и теперь этот разговор имеет двойную прелесть, так как те, о которых^{109*}

^{106*} Далее начато: по местам

^{107*} Далее начато: по мягк(ому ковра?)

^{108*} Далее начато: а. стоит; б. встает

^{109*} Далее начато: говорят друзья

злословят, друзья хозяйки и ^{110*} должны приехать нынешний вечер; говорят о молодой ^{111*} Анастасье (Ана ^{112*} Гагина, как ее зовут в свете) и о ее муже.

Молодой дипломат сам избрал эту тему, когда упомянули о том, что Пушкины ^{113*} обещались быть сегодня, но не могли приехать рано, потому что у Алексея Александровича какой-то комитет, а она всегда ездит только с мужем.

— Я часто думал, — сказал дипломат, — что, как, говорят, народы имеют то правительство, которого они заслуживают, так и жены имеют именно тех мужей, которых они заслуживают, и Ан(астасья?) Арк(адьевна) Каренина ^{114*} вполне заслуживает своего мужа.

— Знаете ли, что, говоря это, вы для меня по крайней мере делаете похвалу ей.

— Я этого и хочу ^{115*}.

— Только как он может спокойно спать с такой женой. И с всяким другим мужем она бы была героиней страшного романа.

— Она знает, что муж ее замечательный человек, и ^{116*} она удовлетворяется. Она примерная жена.

— Была.

— Я никогда не могла понять, княгиня, — сказала фрейлина, — что в нем замечательного. Если бы мне все это не твердили, я бы просто приняла его за дурачка. И с таким мужем не быть героиней романа — заслуга.

— Он смешон.

— Стало быть, не для нее, — сказала хозяйка. — А заметили вы, как она похорошела? Она положительно нехороша, но если бы я была мужчиной, я бы с ума сходила от нее, — сказала она, как всегда женщины, <на> это ожидая возражения.

Но как ни незаметно это было, дипломат заметил это, и, чтоб подразнить ее, тем более, что это была и правда, он сказал:

— О да! Последнее время она расцвела. Теперь или никогда для нее настало время быть героиней романа.

— Типун вам на язык, — сказала хозяйка.

Хозяйка говорила, но ни на минуту не ^{117*} теряла ^{118*} взгляда ^{119*} на входную дверь.

— Здравствуйте ^{120*}, Степан Аркадьич ^{121*}, — сказала она ^{122*}, встречая улыбкой молодого полного, румяного с прекрасными красными губами, прямо держ(авшегося), добродушного молодого человека.

— А сестра ваша будет? ^{123*} — прибавила она громко, чтобы разговор о ней замолк при ее брате. — Приедет она?

^{110*} Далее начато: сейчас

^{111*} Далее начато: а. Ана; б. Настасье

^{112*} Далее было: а. Пушкина; б. Бернова

^{113*} Фамилия будущих Карениных остается пока неустойчивой. Двумя строками выше вместо: Пушкина вставлено Гагина, а здесь осталось неисправленным: Пушкина. Немного ниже Пушкина изменена на Каренина, в другом месте Гагин исправлен на Каренин. Дальше окончательно закрепилась фамилия Каренины. На данном этапе работы фамилию Гагин получил будущий Вронский, в начале работы над этим вариантом называвшийся: Врасский

^{114*} Первоначально: Пушкина

^{115*} Далее начато: Она

^{116*} Далее начато: лелеет его

^{117*} Далее начато: упускала

^{118*} Далее начато: общего

^{119*} Далее было: а. на общее дело; б. на разные группы и

^{120*} Здесь и дальше в автографе: здравствуйте, здравствуй

^{121*} Вместо Степан Аркадьич было начато: Леонид

^{122*} Далее начато: особенно громко, — а чт(о)

^{123*} Вместо А сестра ~ будет было: а. А ваша сестра Ана Пушкина; б. А ваша сестра М-ше Каренина

— Не знаю, княгиня. Я у нее не был ^{124*}.

И Ст(ефан) Арк(адьич), знакомый со всеми женщинами и на ты со всеми мужчинами, добродушно раскланивался, улыбаясь и отвечая на вопросы.

— Откуда я? Что ж делать? Надо признаваться. Из Буффов. «La comt(esse) de Rudolstadt» — прелесть. Я знаю, что это стыдно, но в опере я сплю, а в Буффх досаживаю до последнего конца и всласть. Нынче...

— Пожалуйста, не рассказывайте про эти ужасы.

— Ну, не буду, что ж делать, мы, москвичи, еще глупы, терпеть не можем скучать.

^{125*} Дама в бархатном платье подозвала к себе Ст(ефана) Ар(кадьича).

— Ну что ваша жена? Как я любила ее. Расскажите мне про нее.

— Да ничего, графиня. Вся в хлопотах, в детях, в классах, вы знаете.

— Говорят, вы дурной муж, — сказала дама тем шутливым тоном, которым она говорила об гравюр(ах) с хозяином.

Степан Аркадьич на мгновение нахмурился, но сейчас же рассмеялся. — Если оттого, что я не люблю скучать, то да. Эх, графиня, все мы одинаки. Она не жалуется.

Ст(ефан) Арк(адьич) оглянулся ^{126*}, и лицо его еще больше просияло.

— Вот кого не видал все время, что я здесь, — сказал он, увидав входившего невысокого роста коренастого военного, молодого, но почти плешивого и с серьгой в ухе.

— Виноват, графиня, — сказал Ст(ефан) Арк(адьич) и, поднявшись, пошел к вошедшему.

— Гагин ^{127*}, здравствуй.

Твердое, выразительное лицо Г(агина) ^{128*} с свежевыбритой, но синеющей от силы растит(ельности) бородой просияло, открыв сплошные, правильного полукруга здоровенные зубы.

— Отчего тебя ^{129*} нигде не видно?

— Я знал, что ты здесь, хотел к тебе заехать.

— Да, я дома, ты бы заехал.

— Ну, завтра обедать вместе. Мне сестра про тебя говорила.

— Да, я был у ней.

Гагин ^{130*} замолчал, оглядываясь на дверь. Ст(ефан) Арк(адьич) посмотрел на него.

— Что ты оглядываешься? Ну, так завтра обедать у Дюссо в 6 часов.

— Я еще с хозяйкой двух слов не сказал, — и В(расский) ^{131*} пошел к хозяйке с ^{132*} приятными, так редко встречающимися в свете приемами скромности, учтивости, совершенного спокойствия и достоинства.

Но ^{133*} и хозяйка, говоря с ним, заметила, что он нынче был не в своей тарелке. Он беспрестанно оглядывался на дверь и ронял нить разговора. Хозяйка в его лице, как в зеркале, увидала, что теперь вошло то лицо, которое он ждал. Это была Нана Каренина впереди своего мужа ^{134*}.

^{124*} Далее начато: А зд(есь?)

^{125*} Перед этим начато: Одна из дам

^{126*} Далее начато: Винов(ат)

^{127*} Первоначально: Врасской

^{128*} Первоначально: Вр(асского)

^{129*} В автографе описка: тебе

^{130*} Первоначально: Вр(асский)

^{131*} Осталось неисправленным от первого наброска этой рукописи: В(расский)

По смыслу следует: Гагин

^{132*} Далее начато: теми приемами

^{133*} Далее начато: он

^{134*} Вместо: Это ~ мужа было: а. Это был А. А. Гагин с женою; б. Это был А. А. [Гагин] Каренин с женою.

Действительно, они были пара: он прилизанный, белый, пухлый и весь в морщинах; она некрасивая с ^{135*} низким лбом, коротким, почти вздернутым носом и слишком толстая. Толстая так, что еще немного, и она стала бы уродлива. Если бы только не огромные черные ресницы, украшавшие ее серые глаза, черные огромные <?> волосы, красившие лоб, и не стройность стана, но грациозность движений, как у брата, и крошечные ручки и ножки, она была бы дурна. Но, несмотря на некрасивость лица, было что-то в добродушной улыбке ^{136*}, так что она могла нравиться.

Хозяйка мгновенно сообразила вместе нездоровье Кити, сестры Карен<ина>, и удаление ее последнее время от света. Толки толстой дамы о том, что Гагин, как тень, везде за Нана, его приезд нынче, когда он не был зван, его беспокойство и оглядыванье и, главное, последнее, что ^{137*} связало все эти замечания, это было лицо Нана, ее взгляд на Гагина. Никто не мог спорить с молодым человеком, назвавшим ее некрасивой, в то время как она вошла в комнату и еще больше сощуриив свои и так небольшие узкие глаза (так, что видны были только густые черные ресницы) ^{138*}, вглядывалась в лица. Низкий, очень низкий лоб, маленькие глаза, толстые губы и нос некрасивой формы ^{139*}.

— ^{140*} Ал<ексей> Ал<ександрович>, хотите чаю?

Лицо М. М. ^{141*} белое, бритое, пухлое и сморщенное сморщилось в ^{142*} улыбку. А<лексей> А<лександрович> проговорил что-то об удовольствии и сел подле. Она подала ему чаю. Он аккуратно разложил салфеточку и, оправив свой белый галстук и сняв одну перчатку, стал, всхлипывая, отхлебывать. Чай был горяч, и он поднял голову и собрался говорить. Говорили об Офенбахе, что все-таки есть прекрасные мотивы. А<лексей> А<лександрович> послушал и, сделав усилие над собой, сказал, что Офенбах, по его мнению, относится к музыке, как М-г Jabot относится к живописи.

Жена его между тем начала разговор с хозяйкой, но какой-то новый тон холодности поразил ее, и она ^{143*} тотчас обратилась к толстой даме с вопросом о ^{144*} ее кузине, выходящей замуж ^{145*}.

— Да, она выходит, она влюблена, это так редко. У нас все разумные браки.

— Я думаю, что вы за разумные браки?

— Да, они дурно кончают...

Поняв, что и тут что-то не то, Н<ана> тотчас же обратилась к дипломату и начала с ним разговор, так просто, свободно. Видно было, что это ведение разговора, которое для большинства светских людей было целью и дело не беструдное, для нее была шутка, не стоившая ей ни малейшего усилия, мало того, она, очевидно, никогда не думала, о чем бы поговорить, а говорила, о чем приходило в голову, и выходило всегда умно и мило, во всяком роде, в легком и серьезном.

^{135*} Далее начато: маленьким

^{136*} Далее начато: а. выкупа<вших>; б. за что она пр<авилась>

^{137*} Далее начато: прив<ело>

^{138*} Далее начато: оглядыва<лась>

^{139*} Далее начато: а. Но когда; б. Она сделала те несколько шагов, которые отделяли ее от

^{140*} Отсюда начинается вставка из первого наброска.

^{141*} Случайно имя Михаил Михайлович осталось неисправленным на Алексей Александрович.

^{142*} Далее начато: а. добродушную; б. притворную

^{143*} Далее начато: с чут<костью>

^{144*} Далее начато: о последнем бале у посл<анника>

^{145*} Далее начато: а. Т<олстая> д<ама>, отвечая на вопрос, успела дать почувствовать, что и ей; б. Это

Baccharis. Chaparral

[illegible]

ЧЕРНОВОЙ АВТОГРАФ РОМАНА «АННА КАРЕНИНА», 1873 г.
Первый набросок романа, переработанный Толстым для второго наброска
Архив Толстого, Москва

Облокотивши обнаженную^{146*} руку на бархат кресла и играя разрезным ножиком, лежавшим на столе, она заговорила с дипломатом, что княгиня против *mariage de raison*^{147*}. — «Я не знаю, отчего».

— По мне, — сказал дипломат,^{148*} — всякая жена имеет мужа, которого заслуживает.

— Что это значит, — сказала она, — мужа, которого заслуживает? Что же можно заслуживать в девушках? Мы все одинакие, все хотим выйти замуж и боимся сказать это, все влюбляемся в первого мужчину, который попадется, и все видим, что за него нельзя выйти.

— И раз ошибившись, думаем, что надо выйти не за того, в кого влюблены, — подсказал дипломат.

— Вот именно. — Она засмеялась странно звонко. Перегнувшись к столу, сняв перчатку с пухлой белой руки, взяла чашку.

— Ну, а потом?

— Потом? Потом, — сказала она задумчиво...

Он смотрел, улыбаясь, и несколько глаз обратились на нее. — Потом, я вам расскажу через 10 лет.

— Пожалуйста, не забудьте.

— Нет, не забуду. Боюсь, что нечего будет рассказывать. — И тотчас же к генералу: Когда же вы приедете к нам обедать?

И, нагнув голову, она взяла в зубы ожерелье черного жемчуга и стала водить им, глядя исподлобья и остановив взгляд на Гагине.

—^{149*} Ну, так и есть, — подумала хозяйка, так же как и все в гостиной, с тех пор как она вошла невольно следившие за ней, — так и есть, — думала она, как бы по книге читая то, что делалось в душе Карениной, — она^{150*} кинулась ко мне. Я холодна, она мне говорит: «мне все равно», обращается к д(ипломату), тот же отпор. Она говорит с двумя-тремя мужчинами, а^{151*} теперь с ним. Теперь она взяла в рот жемчуг — жест очень дурного вкуса; он встанет и подойдет к ней.

И так точно сделалось, как предполагала хозяйка. Гагин встал. Решительное, спокойное лицо выражало еще большую решительность; он^{152*} шел, но еще он не дошел до нее, как она, как будто не замечая его, встала и^{153*} перешла к угловому столу с лампой и альбомами^{154*}. И не прошло минуты, как уже она глядела в альбом, а он говорил ей что-то странное, дикое.

Она подняла голову, глаза ее блеснули из разгоряченного лица. Она отвечала, и очевидно было, что она не видела и не слышала ничего, что делалось в гостиной^{155*}. Как будто электрический свет горел на этом столике, как будто в барабаны били около этого столика, так тревожило, раздражало все общество то, что происходило у этого столика и, очевидно, не должно было происходить. Все невольно прислушивались к их речам, но ничего нельзя было слышать, и, когда хозяйка подошла, они не могли ничего найти сказать и просто замолчали. Все, сколько могли, взглядывали на них и видели в его лице выражение страсти, а в ее глазах что-то странное и новое. Один только Ал(ексей) Александ(рович),

^{146*} Осталось неисправленным от первого наброска: обнаженной

^{147*} брак по рассудку (франц.).

^{148*} Далее ошибочно не зачеркнуто относящееся к первому наброску: что

^{149*} Отсюда начинается текст новой рукописи (по описанию т. 20 рук. 19)

^{150*} Далее начато: бросила(сь)

^{151*} Далее начато: потом

^{152*} Далее начато: подошел, но не

^{153*} Далее начато: села

^{154*} Далее было: Благодарствуйте, милый друг, — сказала она хозяйке.

^{155*} Далее начато: а. При той чуткости общества к нравственным влия(ниям);
б. При той чуткости общества к духовным

не ^{156*} прекращавший разговора с генералом о классическом образовании, глядя на светлое выражение лица своей жены, знал значение этого выражения. Последний год (он был женат 6 лет) он встречал чаще и чаще это страшное выражение — света, яркости и мелкоты, которое находило на лицо и отражалось в духе жены. Как только находило это выражение, А(лексей) А(лександрович) старался найти ту искреннюю, умную, кроткую Нана, которую он знал, и ничто в мире не могло возратить ее в себя, она становилась упорно, нарочно мелочна, поверхностна, насмешлива, логична и холодна, весела, и ужасна для А(лексея) Алекс(андровича) ^{157*}. А(лексей) А(лександрович), религиозный человек, с ужасом ясно определил и назвал это настроение. Это был дьявол, который овладевал ее душою. И никакие средства не могли разбить этого настроения. Оно проходило само собою и большею частью слезами. Но прежде это настроение приходило ей одной, теперь же он видел, что оно было в связи с присутствием этого энергического, молодцоватого, умного и хорошего юноши.

А(лексей) А(лександрович) ясно доказывал генералу, что навязывание классического образования так же невозможно, как навязывание танцевального образования целому народу, он мямлил, искал слова и улыбался, но он видел, чувствовал, ужасался, и в душе его становилось холодно.

Окончив разговор, он встал и подошел к угловому столу.

— Нана, я бы желал ехать, — сказал он, не глядя на вставшего Гагина, но видя ^{158*} его, видя выражение его лица, умышленно, чтоб не выказать ни легкости, ни презрения, ни сожаления, ни озлобления, умышленно безвыразительное. Он понимал все это ^{159*} и поворачивал свою шляпу. — Ты хотела раньше ехать домой, да и мне нужно.

— Нет, я останусь, пришли за мной карету, — сказала она просто ^{160*}, холодно.

«Это он, это дьявол говорит в ней», — подумал А(лексей) А(лександрович), глядя на ее прямо устремленные на него, странно светящиеся между ресниц глаза.

— Хорошо.

Он поклонился и, откланявшись хозяйке, вышел.

^{161*} Истинно хорошее общество только тем и хорошее общество, что в нем до высшей степени развита чуткость ко всем душевным движениям ^{162*}. Ничего не произошло особенного. Молодая дама и знакомый мужчина отошли к столу и в продолжение полчаса о чем-то горячо говорили, но все чувствовали, что случилось что-то неприятно грубое, неприличное, стыдное. Хотелось завесить их. И когда А(лексей) А(лександрович) вышел, кн(ягиня) Мика решила, что бы то ни стало ^{163*} нарушить уединение и перезвала к их столу двух гостей. Но через 5 минут Нана встала и простилась, сияющей улыбкой пренебрежения отвечая на сухость приветствий. Вслед за ней вышел и Гагин.

— Что я вам говорила?

— Это становится невозможно, — переговорили хозяйка и тол(стая) дама.

— Бедный дурак.

^{156*} Далее начато: переста(вавший)

^{157*} Далее начато: Никакие средства не могли ре(лигиозного)

^{158*} Далее начато: всю ф(игуру)

^{159*} Далее начато: и мямлил

^{160*} Первоначально: так просто

^{161*} Перед этим начато: Тем

^{162*} Далее начато: Об(щество)

^{163*} Далее начато: прервать свида(ние)

Старый, толстый татарин-кучер в глянцовитом кожане с трудом удерживал^{164*} левого прозябшего серого, извивавшегося у подъезда; лакей стоял, отворив дверцу. Швейцар стоял, держа внешнюю дверь. Нас<тася> Арк<адьевна> Каренина отцепляла кружева рукава от крючка шубки и, нагнувшись, улыбалась. Гагин говорил:

— Вы ничего не сказали, положим, я ничего не требую, ничего. Только^{165*} знайте, что моя жизнь — ваша, что одна возможность счастья — это ваша любовь.

— Да, я не сказала, что я люблю вас, — повторила она медленно, горловым густым голосом, и вдруг, в то же время как отцепила кружево, — потому что незачем говорить. Я люблю тебя. Завтра в 4 часа. До свиданья, Алексей Кирилыч.

Она подала руку, взглянула и быстрым, сильным шагом прошла мимо швейцара и скрылась в карете.

Ал<ексей> Александрович, вернувшись домой прежде жены^{166*}, решился объяснить с нею. Он, не раздеваясь, ходил^{167*} своим неровным слабым шагом взад и вперед по освещенной одной лампой столовой, по ковру темной гостиной, в которой свет отражался только в зеркало и через ее кабинет, в котором горели две свечи^{168*}, освещая красивые игрушки, так давно знакомые ему, ее письменного стола, и до двери спальни, у которой он поворачивался. Он слышал, как в спальню вошла Маша, горничная, слышал, как она взглянула на него, и потом, как будто сердясь на то, что он так непривычно ходит не в своем месте, стала бить подушки, трясти какими-то простынями. Все эти столь непривычные предметы, звуки как ножом резали его в самое сердце.

Как человеку с больным пальцем кажется, что как нарочно он обо все ушибает этот самый палец, так А<лексею> Ал<ександрович>у казалось, что все, что он видел, слышал, ушибало его больное место в сердце. На каждом^{169*} протяжении в своей прогулке и большей частью на середине в темной гостиной, он останавливался и говорил себе: «Да что же случилось? Ничего. Она долго говорила с ним. Ну, что же? Вольно же мне видеть в этом что-то особенное»; но как только он входил в темную гостиную, ему вдруг представлялось это преображенное, мелкое, веселое и ужасное выражение лица, и он понимал, что действительно случилось что-то, и холод охватывал сердце. Он входил в кабинет и тут^{170*}, глядя на ее стол с лежащей^{171*} наверху бювара начатой запиской, он живо вспоминал ее тою, какою она была для него эти 6 лет, — простою, ясною, открытою до последних извивов души, вспоминал ее вспыльчивость, ее несправедливые почти всегда досады на него, ее грубые слова и потом простое раскаяние — слезы. Но теперь? Нет этого теперь, реже и реже я вижу и понимаю ее. — Нет, нет, я должен объяснить, разрешить все это.

Румяное, круглое лицо с огромным шиньоном в белейших воротничках высунулось из двери спальни.

— Извольте ложиться, А<лексей> А<лександрович>, я убралась, — сказал голосок горничной.

Алек<сей> Ал<ександрович> заглянул в спальню, и новое чувство злости, отвращения к ней, к себе наполнило его душу.

164* *Далее начато:* двух прозябших серых, бившихся у подъезда

165* *Далее начато:* мне позвольте

166* *Далее начато:* провел

167* *Далее начато:* взад и вперед

168* *Далее начато:* между мелочами ее

169* *Далее начато:* пово<роте>

170* *Далее начато:* ему

171* *В автографе описка:* лежащим

«ЛЕВИН НА БАЛКОНЕ»

Гравюра Н. И. Пискарева, 1933 г.

Иллюстрация к изданию романа «Анна Каренина» на английском языке

— Да, да, хорошо, — сказал он с своей притворной улыбкой и, прибавив шагу, направился опять к столовой. У подъезда зашумели. А<лексей> А<лександрович> вернулся в ее кабинет и посмотрелся в зеркало. Лицо его пухлое, морщинистое, было покрыто красными пятнами и показалось ему самому отвратительно. И на него нашла робость. Как и что скажет он ей? Она шла тихо через залу, быстро и легко через столовую, потом шаги ее замолкли в темной гостиной. Она остановилась. О чем она задумалась? А<лексей> Ал<ександрович> встал, пошел к двери. Она стояла в накиннутом распушенном башлыке, играя обеими руками его кистями и задумчиво опустив голову. Увидав его, она подняла голову, улыбнулась.

— Ты не спал, вот чудо! — И с этими словами скинула башлык и прошла в спальню. — Пора, Алекс<ей> Александрович, — проговорила она из-за двери.

— Нана, мне нужно переговорить с тобой!

— Со мной? — Она высунулась из двери. — Ну давай переговорим, если так нужно. А лучше бы спать.

— Что с тобой? — начал он.

— Как что со мной?

Она отвечала так просто, весело, что тот, кто не знал ее, как муж, не мог бы заметить ^{172*} ничего неестественного ни в звуках, н<и> в смысле ее слов. Но для него, знавшего, что когда он ложился спать позже обычно

^{172*} Далее начато: ни одн<ой>?

венного, когда на лице его видна была тревога, забота, иногда самая легкая, она тотчас же замечала и спрашивала; для него, знавшего, что всякие свои радости, веселье, горе она тотчас сообщала ему, для него теперь видеть, что она не хотела замечать его состояния, что не хотела ни слова сказать про себя, было ужасно.

— Как что со мной? Со мной ничего. Ты уехал раньше, чтоб спать, и не спишь, не знаю отчего, а я приехала и хочу спать.

— Ты знаешь, что я говорю. Я вижу, что ты переменялась, я вижу, что в душе у тебя что-то делается, что ты чем-то живешь, ты чем-то счастлива, независимо от меня, от общей семейной жизни, — сказал он, сам чувствуя всю праздность своих слов, когда он говорил их и смотрел на ее смеющиеся, страшные теперь, потому что закрытые от него, глаза.

— Ты всегда так, — отвечала она, как будто совершенно не понимая его, и изо всего того, что он сказал, понимая только последнее. — Тебе то неприятно, что я скучна, то тебе неприятно, что я весела. Мне не скучно было. Это тебя оскорбляет.

— Ах, это ужасно, — вскрикнул^{173*} он, взмахнув над головой руками, чувствуя, что то дьявольское наваждение, которое было в ней, не пронзимо ничем. — Ах, это ужасно! Напа, опомнись!

— Да что же это такое, — сказала она с таким искренним и комическим, все-таки веселым удивлением. — Что тебе от меня надо?

— Тебя, тебя, какая ты есть, а не это. — И голос его задрожал слезами.

— Это удивительно, — сказала она, не замечая его страдания и пожав своими холодными белыми плечами. — Ты нездоров, Ал(ексей) Алесан(дрович), — и она хотела затворить дверь, но он схватил своей разгоряченной рукой ее тонкую и холодную руку и остановил ее. Она бы могла шутя стряхнуть его руку, и в том взгляде, который она опустила на его костлявую слабую руку и на свою руку, выразилось насмешливое презрение, но она не выдернула руки, только с отвращением дернула плечом.

— Ну-с, я слушаю, что будет.

Еще раз он смиренно и умоляющим^{174*} взглядом просил ее, чтобы она вернулась, она, какая она была прежде; но неприступная черта та же лежала между ними. Он все-таки начал говорить:

— Наша жизнь связана и связана не людьми, а богом. Бывает, что связи эти разрываются, но тогда гибнут те люди. И в связи нашей есть таинство, и ты и я, мы его чувствуем, и оттого я знаю, хотя ничего не случилось, я знаю, что теперь, именно нынче, в тебя вселился дух зла и ищет тебя, завладел тобой. Ничего не случилось, но я вижу гибель для тебя и для меня. Я не буду пугать тебя.

— Что ж, это ревность, к кому? Ах, боже мой, и как мне на беду спать хочется.

— Ради бога, не говори так. Я не буду тебя пугать собой. Чем я буду пугать? Я слабый человек и физически и морально.

На мгновение лицо ее опустилось и потухла насмешливая искра в ее взгляде.

— Ал(ексей) Алесан(дрович)^{175*}, у тебя нервы.

— Позволь, дай договорить; да, я слабый человек и собой пугать не буду, я ничего не сделаю, не могу да и не хочу наказывать. Мщение у бога. Но я думал в минуты моей ревности прежде, что бы я сделал, если бы ты разорвала нашу связь. Я бы оставил тебя и постарался бы умереть. Но не я главное лицо, а ты. Поверь мне, теперь торжественная минута.

^{173*} Первоначально: сказал

^{174*} Вместо смиренно и умоляющим было: видимо умоляющим

^{175*} Далее начато: ты чем-то расстро(ен)

— Что с вами, я понять не могу, я бы думала, что вы ужинали.

И опять та же неприступная черта восстановилась.

— Если ты дорожишь собой, своей вечной душой, отгони от себя это холодное, не твое состояние, вернись сама в себя. Скажи мне все. Скажи мне, если даже тебе кажется, что ты жалеешь, что вышла за меня, что ^{176*} ты жалеешь свою красоту, молодость, что ты боишься полюбить или любила.

— Мне нечего говорить, да и... пора спать.

Всю ночь эту А<лексей> А<лександрович> не смыкал глаз и, когда на другой день он увидал ^{177*} ту же чуждость в своей жене, он решил сам с собой, что одно из главных несчастий его жизни свершилось. Как, в каких подробностях оно выразится, что он будет делать, он не знал, но знал, что сущность несчастья совершилась ^{178*}.

2-я ЧАСТЬ

I

После объяснения на даче Ал<ексей> Александрович ^{179*} уехал в Петербург и погрузился в свои занятия.

В конце сентября он получил записку от жены: «Я намерена переехать в Петербург в среду, поэтому распорядитесь в доме так, <как> вы найдете это нужным». Ал<ексей> Ал<ександрович> передал приказание дворецкому, и в среду Н<астасья> Арк<адьевна> с сыном и англичанкой переехали. Муж и жена встречались, но никогда не говорили наедине. Они говорили друг другу «ты», но старались избегать друг друга. Они не выезжали вместе и не принимали. Ал<ексей> Ал<ександрович> старался обедать вне дома или опаздывать, так что ему подавали обед в кабинет. Когда он б<ывал> в детской, что случалось часто, она, услышав его голос в детской, дожидалась, пока он уйдет ^{180*}. Все, и знакомые и прислуга, могли догадываться и догадывались об отношениях между супругами, но не имели права знать. А<лексей> Гагин часто обедал и все вечера до поздней ночи проводил у Наст<асьи> Арк<адьевны>. Встречаясь в свете и на крыльце, Ал<ексей> А<лександрович> и Гагин кланялись друг другу, не глядя в глаза, но никогда не произносили ни одного слова. Жизнь эта была мучительна для обоих. Наст<асья> Арк<адьевна> одна, казалось, не чувствовала всего ужаса этого положения, никогда не тяготилась им, не жаловалась и, казалось, не видела необходимости предпринять что-нибудь. Гагин видел, что она переменялась для него, тоже испытывал чувство, подобное тому, которое испытывает человек, глядя на изменившийся, завядший цветок в руке, с тех пор как он сорвал его, тот самый цветок, который был так хорош, пока он был не в руке. Он чуял, что она была несчастлива; но не имел права сказать ей это.

^{176*} Далее начато: тебе прих<одится?>

^{177*} Далее начато: то же вы<ражение>

^{178*} На этом кончается рукопись. На полях описан новый вариант конца в той же первой стадии работы (см. факсимиле на стр. 437).

А<лексей> А<лександрович>, расплакавшись, [долго] всхлипывал [потом] еще на постели, но еще всхлипыванья не прошли, как они перешли в сырое храпенье. Нана между тем долго лежала неподвижно с открытыми глазами и говорила [шептала] себе без звука одни и те же слова: «Поздно. Ах поздно, голубчик, ах поздно». И ей весело было, что было уж поздно.

Дальнейший текст, находящийся в другой рукописи (по описанию т. 20 рук. 38), написан после того, как был создан план, следовавший за окончанием предыдущей рукописи (факсимиле плана см. на стр. 439).

^{179*} Далее начато: жил [только] в одном доме с женою, соблюдая приличия, но никогда не говорил с нею наедине.

^{180*} Далее начато: Гагин просиял<ивал>

Она, казалось, вполне счастлива одним настоящим, без прошедшего и будущего.

Однажды в середине зимы он запоздал больше обыкновенного. Он ^{181*} был на обеде проводов выходившего из полка товарища. Он выпил больше обыкновенного и, что с ним редко случается, заснул. Проснувшись, он смутно вспомнил какой-то странный сон, поразивший его. В его комнате стоял мужик, маленький, грязный, с взъерошенной бородкой ^{182*}, и что-то он делал, нагнувшись, и вдруг заговорил по-французски, часто-часто приговаривал какие-то странные слова. И он проснулся от ужаса. Ничего ужасного не было. Но во сне это было ужасно. «Что за вздор», — подумал Гагин, облился водой, оделся ^{183*} и поехал к ней, поглядывая ^{184*} на часы у фонаря и тревожась ее беспокойством. Было 9, а ^{185*} она ждала его ^{186*} с 8-ми.

Карета, их карета — высокая, узенькая, с коричневыми колесами и пара серых ночных стояли у подъезда. «Она едет ко мне. Нет, не может быть, — подумал он. — Верно, он. Столкнешься с ним. Что делать?».

С теми усвоенными им с детства приемами человека, которому нечего стыдиться (несмотря на то, что теперь и было чего стыдиться), Гагин вышел из саней и, брэнча саблей, побежал вверх по ступеням. Лакей, знакомый Корней, держал дверь. Он, не привыкший стыдиться и замечать, заметил теперь выражение, знающее выражение лица Корнея.

Медленно, стуча калошами, спускалась высокая, немного больше обыкновенного сторбленная фигура Алек<сей> Александровича. Рожок газа прямо освещал его бледное пухлое лицо с нахмуренными белыми бровями и отвисшим носом и отвисшими щеками над бобровым воротником. Ясные, светлые, голубые глаза его устремились с недоумением на лицо Гагина, и все-таки он первым поднял пухлую руку к шляпе. Этим движением он уронил черную перчатку. Гагин тоже приложил руку к козырьку, двинулся невольно к перчатке, вспыхнул ^{187*} и отшатнулся, А<лексей> А<лександрович> заторопился, нагнулся к перчатке, споткнулся и справился, загремев калошами. Когда Гагин вышел в переднюю, он с трудом удержался от хрипения, вызванного в нем душевной болью. Боже мой! если бы ^{188*} он потребовал удовлетворения, если бы я чем-нибудь мог заплатить ^{189*}. Но еще хуже, если бы он потребовал удовлетворения. Это ужасно было хоть не стрелять, но поставить под выстрел ^{190*} и с пистолетом в руках ^{191*} человека с этими глазами. Нет, это не может так продолжаться. Это должно кончиться.

Еще снимая шинель, он услышал и удаляющиеся шаги. Он понял, что она ожидала его и прислушивалась и теперь вернулась в гостиную, чтоб скрыть свое беспокойство. Он знал, что ему не будет упреков ^{192*}. Она встретила его у дверей гостиной и положила обе руки на его плечи и долго смотрела на него любящим, глубоким, восторженным и вместе испытующим взглядом. Она изучала его лицо за то время, которое она не видала его. Она, как и при всяком свиданье, сводила в одно в мысли то воображаемое представление о нем (несравненно лучшее, невозможное в действительности) с ним, с таким, каким он был.

^{181*} Далее начато: обедал с товарищами

^{182*} Далее начато: а. и, нагнувшись; б. и страшной

^{183*} Первоначально: переоделся

^{184*} Далее начато: на первом пов<ороте>

^{185*} Далее начато: когда он приезжал

^{186*} Далее начато: каждый де<нь>

^{187*} Первоначально: опять вспыхнул

^{188*} Далее начато: это

^{189*} Далее начато: Если бы он

^{190*} Далее начато: этого

^{191*} Далее начато: это<го>

^{192*} Далее начато: но что

— Ты встретил его? — сказала она. — Вот тебе наказание за то, что ты опоздал. Где ты был? Неужели все на этом обеде?

Она знала^{193*}, где он был, потому что утром писала и получила от него записку. Он рассказал ей все подробности обеда. Она знала все лица, все отношения даже его полковой жизни. Она давно уже следила за этой жизнью и знала все лица и характеры.

— Одно нехорошо, что вы пьете много. Разве нельзя не пить? Что ж, он был тронут, когда вы поднесли ему?

— Да, и искренно тронут. В нашем франмасонстве пьяном это мило. Ты не поверишь, как хорошо было их объяснение с Ленгольдом. Они ведь всё ссорились. Ну а тут растаяли и оба, и Ленгольда я никогда не видал таким. Потом качанье хорошо было. Это маленького Пушкина стали качать.

Она^{194*} держала в руках свивальник, который она вязала, и не вязала, а, не спуская глаз, смотрела на него сияющим взглядом.

— Нет^{195*}, это нехорошо. Зачем вы без вина не можете быть добры?

Он перестал рассказывать.

— Ты плакала нынче?

— Я? Нет, да. Я плакала, было грустно. Не оттого, чтобы грустно что-нибудь. Чего мне еще? Но мы в этом положении не свои бываем.

Он посмотрел на ее глаза, на свивальник, на всю ее расширившуюся фигуру.

— Когда? — сказал он.

— Скоро, — сказала она, улыбаясь, — очень скоро.

И она, оставив вязанье, взяла его руку и поцеловала. Он встал, обнял ее за голову и поцеловал в волосы.

— Нана!^{196*} Ты мне обещала поговорить о будущем. Ты обещала мне. Это не может так оставаться.

Она высвободила свою голову, отстранилась от него, ручки ее взялись опять за крючок и вязанье, и быстро накидывались указательным пальцем петли белой блестящей под огнем лампы бумаги, и быстро нервически стала подворачиваться тонкая^{197*}, нежная кисть в шитом рукавчике.

— Что ты хочешь говорить? Об чем ты хочешь говорить? Какое будущее? — зазвенел^{198*} ее голос. — Я знаю, отчего ты это говоришь. Ты встретил А<лексея> А<лександровича>, и он с духовной миссионерской кротостью взглянул на тебя и послал тебе христианское прощение, самое ядовитое из мщений, и ложь, фальшь, ложь, фальшь.

И она, вытянув лицо и полузакрыв глаза, быстро изменила свое выражение, сложила руки, и непостижимо для Гагина он в ее прелестном личике увидал вдруг то самое выражение лица, с которым поклонился ему на лестнице А<лексей> А<лександрович>^{199*}.

Гагин невольно^{200*}, хоть и кольнуло в душе, улыбнулся. Она засмеялась тем милым грудным смехом, который был одной из ее главных прелестей.

Этот смех ободрил Г<агина>. Он решил, несмотря на то, что встречал всегда этот отпор, это странное в ней жестокое отношение к мужу, он решился высказать нынче все.

193* *Далее начато:* все, что

194* *Далее начато:* смотрела на него

195* *Далее начато:* а. как; б. что ты ни говори

196* *Далее начато:* Это не может

197* *Далее начато:* бела<я>

198* *Первоначально:* заговорил

199* *На полях записи, относящиеся к этой стадии работы:* <1> «Он мне г<оворит>: ты, Нана». Я бы разорвала. <2> Сны видит, что оба — мужья.

200* *Далее начато:* как ему ни

— Все-таки, Нана, позволь мне все сказать, что я давно думаю и нынче думал. Я не знаю, как ты переносишь свое положение.

Заметив, как ^{201*} мрачная черта при этих словах сморщила ее чистый ^{202*} лоб, он поспешил прибавить:

— Т(о) е(сть) я знаю в душе. Когда любишь, как я, чувствуешь за того, кого любишь; но мое положение, право, тяжело, ужасно.

— Что ты упал в обществе. Ты *карьеру* испортил. Тебе мать сказала, что ты...

— Ах, Нана, зачем нарочно не понимать. Ты знаешь, так же как я, что я, твоя и моя жизнь, наша любовь есть одно, о чем я думаю ^{203*}, для чего я живу.

— Ну хорошо, я знаю,— но тот же веселый, холодный блеск был в ее глазах.

— Так я говорю, что мое положение ужасно тем, что я чувствую себя виноватым ^{204*}, чем я никогда себя не чувствовал. Совесть — не слова. Она мучает меня. Я ее чувствую здесь. Очень чувствую. Ты говоришь, что это ложь и фальшь, но я не вижу этого, я вижу беззащитную овцу, которая подставила шею, и мне ужасно рубить эту шею. Если бы это был другой муж. Если бы после твоего объяснения на даче он разорвал с тобой, если б он придрался ко мне, вызвал на дуэль,— но этого не может быть. Если бы он это сделал, то мое положение было бы еще ужаснее.

— Ничего бы не было ужасного,— вскрикнула она,— ужасно бы было только то, что он нечаянно мог бы убить тебя. А его убить, его убить?

— Нана, полно ^{205*}. Что ты говоришь...

— Ничего. Говори. Если ты хочешь говорить.

— Я только хочу сказать то, что я мучаюсь и страдаю, ты тоже, он тоже.

— Он! — с злобной усмешкой сказала она.

— Да мы все мучаемся, и за что? Разве нельзя разорвать эти неестественные отношения? ^{206*} Я только прошу о том, чтобы уничтожить эту недостойную ложь, в которой мы живем.

Она, задерживая дыхание, слушала то, что он говорил, и ей сделалось больно в груди, когда она ^{207*} начала говорить. И с страдальческим вскриком, схватившись за грудь, начала говорить.

— Да, это неприятно,— сказала она своим басистым воркующим голосом,— это тяжело, но...

Нижняя челюсть ее задрожала, и она замолчала. Она хотела сказать: «ты думаешь о том, что тяжело и неприятно. Разве в нашем положении, где мы играем не жизнью, а больше чем жизнью, жизнью детей, разве в таком положении может быть что-нибудь тяжело и неприятно? Все равно как в минуту родов,— думала она,— думать о том, что собьется чепчик. Разве может быть речь о неприятном, потому что он не поставил всю жизнь на эту игру. А для меня моя жизнь, моя честь, мой сын, мой будущий ребенок — все погибло. И погибло уж давно, и давно я это знаю, а он говорит о тяжелом и неприятном».

И она сама себе показалась слишком жалка, и слезы надорвали ее голос. Она помолчала и, положив руку на его рукав, не давала ему говорить, дожидаясь, пока будет в силах говорить.

^{201*} Далее начато: а. она нах<мурилась>; б. черты

^{202*} Далее было: низкий

^{203*} Далее начато: что я люблю

^{204*} Далее было: вором (в автографе описка: ворым)

^{205*} Далее начато: Нана, ты

^{206*} Далее начато: Подумай

^{207*} Далее было: наконец

Он смотрел на нее, сдерживая дыхание^{208*}. Ей стало жалко его^{209*}, она успокоилась и сказала не то, что хотела сказать. Она сказала одно то, о чем она могла говорить, о муже.

— Ты говоришь, что он жалок, это неправда, неправда. Разве я не знаю его. Это ложь, гадость. Разве можно, чувствуя что-нибудь, жить как он живет со мной. Он ничего не понимает, не чувствует. Разве может человек, который что-нибудь чувствует, жить с своей *преступной* женой в одном доме. Разве можно говорить с ней, говорить ей ты. Третьего дня он в детской при няне говорит мне: «Нана, ты думаешь, надо послать за доктором». — И опять невольно она представила его: «Ты, та chère. Ты, Нана». Это не мужчина, не человек, да это овца, и надо ей свернуть голову. О, о! если бы я была на его месте, если бы кто-нибудь был на его месте, я бы давно убила, я бы разорвала на куски эту преступную жену. Я не говорила бы: «Как ты думаешь, Нана, взять повара Павла?». Это животное, которое любит есть, спать и ездить в комитеты и министерства с портфелем. — Она отставила локоть, передразнивая его с портфелем^{210*}. Это животное, к^{которое} выучилось словам и имеет духовные голубые глаза. Не будем, не будем говорить про это.

— Ты неправа и неправа, мой друг, — сказал Гагин, стараясь успокоить ее. — Но все равно я не о нем говорю. Я говорю о себе, а главное, о тебе.

Он помолчал. Она смотрела на него с насмешливой радостью. Видимо, она нашла еще смешные яркие стороны в муже и ждала времени, чтоб их высказать.

Он продолжал:

— Но, Нана, друг мой. У тебя будет ребенок, наш ребенок, не сможет же он наконец оставаться здесь, — сказал он гордо и оскорбленно.

Насмешливый блеск потух в ее глазах. Но другая улыбка знания чего-то неизвестного ему и тихой грусти заменила ее прежнее выражение.

Она помолчала, поглядела на свивальник и подняла голову.

— Алексей! Я не хотела тебе говорить этого, но ты [сам] заставил меня^{211*}. Ты все поймешь теперь. Пеленку я вяжу. Для нее (это будет девочка, я знаю), для нее они нужны, но для меня ничего не нужно. Ничего не нужно, — повторила она с расстановкой, как бы говоря сама с собой.

— Я не понимаю, — сказал он, понимая.

— Я не переживу этого. Не перебивай, — и она заторопилась говорить. — Я знаю это и знаю верно. Я умру и очень рада, что умру с тобой.

Слезы потекли у нее из глаз. Он нагнулся к ее руке и стал целовать, стараясь скрыть свое волнение, которое, он знал, не имело никакого основания, но он не мог преодолеть его.

— Вот так, вот это лучше, — говорила она, пожимая сильным движением его руку. — Вот одно, одно, что нам осталось.

Он опомнился и поднял голову.

— Что за вздор. Что за бессмысленный вздор ты говоришь. Вечные фантазии всех беременных.

— Нет, это правда.

— Что, что правда?

— Что я умру. Я видела сон.

— Сон? Когда?

^{208*} Далее начато: Он ей показался

^{209*} Далее начато: и

^{210*} Далее начато: а. и к<ак?> б. Он не пон<имает>

^{211*} Далее начато: Алексей, тебе

— Давно уж. Я видела, что я вбежала в свою спальню, что мне нужно там взять что-то, узнать что-то. Ты знаешь, как это бывает. И в спальне в углу стоит что-то.

— Ах, какой вздор, как можно верить.

Но она не позволила себя перебить. То, что она говорила, было слишком важно для нее.

— И это что-то повернулось, и я вижу, что это мужик, маленький, с взъерошенной бородой и страшный. Я хотела бежать, но он нагнулся ^{212*} над мешком и я слышу, что он руками что-то копошится там (она представила, как он копошится в мешке).

Ужас был на ее лице. И Гагин, вспоминая свой сон, чувствовал такой же ужас, наполнявший его душу.

— Он копошится и приговаривает по-французски скоро, скоро и, знаешь, грассируя: «Il faut le battre le fer, le broyer, le pétrir» ^{213*}. И я от страха я захотела проснуться, проснулась. Но я проснулась во сне ^{214*}. И стала спрашивать себя, что это значит. И Корней мне говорит: «Родами, родами умрете, родами, матушка». И я опять проснулась. И еще он б~~ыл~~ тут и храпел. И я узнала и знаю верно.

— Какой вздор, какой вздор,— говорил Гагин. Но он сам чувствовал, что не было никакой убедительности в его голосе.

— Ну, не будем говорить. Вели подать чаю.

— Так ты не хочешь говорить?

— Ничего, ничего, ни слова. — Она заплакала. — Подожди, недолго.

С этих пор Гагин не пытался более изменить существующего положения и с страхом ждал родов.

II

Несколько недель перед родами А~~лексей~~ Алекс~~андрович~~ по поручению государя уехал на ревизию ^{215*}.

^{212*} Далее начато: и я слышу, что

^{213*} Надо ковать железо, толочь его, мять (франц.).

^{214*} Далее начато: И мне

^{215*} На этом кончается вариант «Молодец-баба». На оставшихся незаполненными двух страницах вписаны впоследствии отдельные заметки, опубликованные в т. 20, с. 11 (план № 11).